

Сергей Булгаков

На пиру богов

PRO и CONTRA

Современные диалоги

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые:
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был,
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил.

Тютчев

УЧАСТВУЮЩИЕ:

*Общественный деятель.
Боевой генерал.
Дипломат.
Известный писатель.
Светский богослов.
Беженец.*

ДИАЛОГ ПЕРВЫЙ

О, Русь! забудь былую славу.
Орел двуглавый побежден.

Вл. Соловьев

Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя!

Андрей Белый

Дипломат. Мне часто вспоминаются теперь две наши встречи. Одна — во Львове, в разгар нашего галицийского наступления. Вы горячо тогда говорили о статуе Ники Самофракской, о вихре радости, о буре победы...

Общественный деятель. Помню хорошо, но теперь хотел бы выгнать из своего мозга это воспоминание.

Дипломат. А другая встреча в самом начале революции здесь, в Москве. Тогда вы говорили о благостном Дионисе, шествующем по русской равнине, о новой эре, о славянском ренессансе.

Общественный деятель. Погибло, все погибло! Умерло все, и мы умерли, бродим, как живые трупы и мертвые души. До сих пор ничего я не понимаю, мой ум отказывается вместить. Была могучая держава, нужная друзьям, страшная недругам, а теперь — это гниющая падаль, от которой отваливается кусок за куском на радость всему слетевшемуся воронью. На месте шестой части света оказалась зловонная, зияющая дыра. Где же он, великодушный и светлый народ, который влек сердца детской верой, чистотой и незлобностью, даровитостью и смирением? А теперь — это разбойничья орда убийц, предателей, грабителей, сверху донизу в крови и грязи, во всяком хамстве и скотстве. Совершилось какое-то черное преобразование, народ Божий стал стадом гадаринских свиней¹.

Дипломат. Совершенно с таким же жаром говорили вы и о Нике, и о Дионисе. А теперь, очевидно, нашлась и Цирцея, превращающая в свиней дионисийствующих граждан.

Общественный деятель. Я не в силах с этим справиться. Боюсь сойти с ума. А впрочем, я уж ничего не боюсь...

Дипломат. Будто бы!

Общественный деятель. Жизнь потеряла свой вкус: не светит солнце, не поют птицы. Все застлано кроваво-грязным туманом от ядовитых испарений. Ночью забудешься — и все забудешь. Зато проснешься, вспомнишь, и такая черная тоска найдет, что хочется только одного — совсем уйти из этого наилучшего из миров, не видеть, не знать, не чувствовать... Я помню, после тяжелой утраты как мне страшно было просыпаться поутру, снова переживать невозвратную потерю. Но тогда мне светила нездешняя радость из другого мира, у души вырастали крылья. А теперь — ничего, ничего не вырастает. Душа умирает, это — поистине смерть без воскресения, червь неусыпающий. Как устоять? Как постигнуть? Зачем мне суждено было пережить Россию? Зачем мне не дано закрыть глаза, пока еще была Россия, как Богом взысканные друзья мои? Теперь у меня лишь одна мелодия звучит в душе:

О, в этот век, преступный и постыдный,
Не жить, не чувствовать — удел завидный.
Отрадно спать, отрадней камнем быть².

Дипломат. Русская истерика! Неужели нельзя страдать, стиснув зубы, без стонов и воплей, не плача ни в чей жилет, а уж если действительно невтерпеж, плюнуть этому миру в лицо, гордо

и спокойно павши на свой меч, как последний римлянин. Но я мало верю этой восторженности горя, а еще меньше заверениям об утраченном вкусе к жизни. Так и сквозит через них «жажда жизни неприличнейшая», «сила низости карамазовской». Да иначе и нельзя любить жизнь как слепо, неосмысленно, без всяких оправданий. И теперь, при большевиках и уже без России, жизнь нам по-прежнему остается дорога, и стараемся мы ее спасти четвертькамня мякинного хлеба. Без России благополучно обходимся, а вот без хлеба да без сахара действительно трудновато. Молодцы марксисты, — они не боятся смотреть в лицо правде. А нас заедает фраза; кажется, на смертном одре не умеем без нее обойтись.

Писатель. Простите, но я совершенно не могу мириться с вашим идейным большевизмом: это и не великодушно и даже некультурно. Да и горе у всех одинаковое. Все мы ошеломлены новым погружением Атлантиды в хаос, катастрофической гибелью нашего материка, вдруг исчезнувшего с исторической карты. Вот еще недавно для нас так дико звучал этот поэтический вопль:

Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя!³

А она на самом деле взяла да исчезла, и закопошились на ее месте предательские «самостийности», нетопыри разные. Ведь при похоронах России присутствуем.

Дипломат. Я не люблю и не умею говорить жалкие слова. Если хотите знать, для этого мне слишком больно. А уж если бы я умел плакать, то давно выплакал бы все свои слезы года четыре назад, когда только загорался мировой пожар. Уже тогда мне стало ясно, чего будет стоить эта война и России, и тому, что мне дороже России — я не скрываюсь, но горжусь это признать — Европейскому миру. Что же до России, то ее военная неудача не представляла для меня и сомнения. Не мог же я в самом деле допустить, чтобы полуварварский, дурно управляемый, экономически отсталый народ мог выдержать с честью испытание при столкновении с наиболее мощным из культурных народов. Если я мог еще на что надеяться, то лишь на помощь более культурных союзников, но и на это перестал рассчитывать уже с 1915 года, когда обнаружилось, что они обречены запаздывать всегда и всюду, будучи поражены каким-то демократическим гамлетизмом. Но вот вас-то мне давно уже хотелось спросить: куда девались совесть и разум тех, кто, позабыв нашу действительность, вдруг, словно объевшись белены, начали словоизвержения об освободительной миссии России, о Царьграде, о кресте на Айн-Софни, — словом, вынули из нафталина все славянофильское старье? Где были ваши глаза? Теперь все клянут и стенают, что не сбылись эти детские грезы,

но ведь суд истории беспристрастен, это вы должны признать. И пока-что история оправдывает скорее германство, даже большевизм, только не маиловщину эту или теитетниковщину какую-то. Простите за резкость, но ведь ям всем теперь не до вежливостей.

Общественный деятель. Признаюсь, что теперь и сам удивляюсь настроению 1914 года, прямо какой-то психоз овладел, не выдержали перемены политической погоды. Я об этом вспоминаю теперь, видя, как иные художники и поэты не выдерживают иапора большевизма и оказываются его как бы пленниками, не видящими всей двусмысленности своего положения. Впрочем, тогда и весь мир был обуян этим мессианизмом, — где же было иашей «жественности» против него устоять?

Писатель. Нн в каком смысле не согласен я с этим самошельмованием. Я отлично отдаю себе отчет и теперь во всем, что я думал, писал и говорил тогда. И, представьте себе, совершенно подсываюсь под всем этим и теперь. И надеюсь, что остаиусь при этом не один, но имея с собой «облак свидетелей» — от Пушкина и Тютчева до Достоевского и Вл. Соловьева и не убоюсь в кругу богомудрых мужей сих скорпионов вашей иронии. Что-ж! теперь выигрышное время для иронии и злорадства, но ведь с окончательным приговором истории вы все же поторопились. Итак, верую по-прежнему, что Россия воистину *призвана* явить миру новую, соборную общественность, и час рождения ее *мог* пробить аппо 1914. Далее, участие в мировой войне *могло* оказаться великим служением человечеству, открывающим иовую эпоху в русской да и в всемирной историн, именно византийскую. Но этим, конечно, предполагается и изгнание турок из Европы и русскнй Царьград, как оно и было предуказано Тютчевым и Достоевскнм...

Общественный деятель. Но что же произошло?

Писатель. Произошло то, что Россия *изменила* своему призванию, стала его недостойна, а потому пала, и падение ее было велико, как велнко было и призвание. Происходящее иыне есть как бы негатив русского позитива: вместо вселеиского соборного всечеловечества — пролетарскнй интернационал и «федератнвия» республика. Россия изменила себе самой, но не могла, и не изменить. Великие задачи в жизни как отдельных людей, так и целых народов вверяются их свободе. Благодать не наснлует, но и Бог поругаем ие бывает. Потому следует наперед допустить разные возможности и уклонения путей. Этот вопрос, вы знаете, всегда интересовал С. В. Ковалевскую и с математической и с общечеловеческой стороны, и она излила свою душу в двойной драме: *как оно могло быть и как оно было* с одними и теми же действующими лицами, но с разной судьбой⁴. Вот такая же двойная драма ныне иачертана перстом истории о России: теперь мы переживаем печальное «как оно было», а тогда могли и должны были думать о том, «как оно могло быть».

Дипломат. Вот в том-то и беда, что у нас сначала все измышляется фантастическая орбита, а затем исчисляются мнимые от нее отклонения. Выдумывают себе химеру несуществующего народа, да с нею и носятся. И это делалось ведь в течение целого века, притом же лучшими умами нации, ее мозгом. Да понимаете ли вы, господа, что этим своим сочинительством вы возводите на свой же собственный народ клевету и хулу: ведь он неизбежно окажется виноват, если не оправдает приписываемого ему признания. Народ хочет земли, а вы ему сулите Византию да крест на Софии. Он хочет к бабе на печку, а вы ему внушаете войну до победного конца. Об этом, господа, знаете, как сказано в Книге, на которую вы так любите иногда ссылаться: «Связывает бремена неудобноносимые, и сами пальцем не хотите их шевельнуть»⁵. Нет, большевики честные: они не сочиняют небывлиц о народе. Они подходят к нему прямо с программой Лесковского Шерамура: *жрать*. И народ идет за ним, потому что они обещают «жрать», а не крест на Софии.

Писатель. Теперь на вашей улице праздник: легко шерамурствовать, когда кругом царит шерамурство. Но где же вы были с вашим скептицизмом, когда вся Россия, казалось, охвачена была энтузиазмом, в эти незабвенные дни в Москве и Петрограде?...

Дипломат. Положим, теперь мы уже знаем и всю закулисную сторону этих парадов, да и многое другое из начальной истории войны.

Писатель. Припомните начало войны: наш галицийские победы⁶, дух войск, который и мы узнавали здесь по настроению раненых, общий подъем. Сделайте над собой усилие, отвлекитесь от подлого шерамурства исторической минуты и продолжите мысленно *тогда* намечавшуюся магистраль истории. Куда она ведет? Мы были уже накануне похода на Царьград, а ведь это целая историческая программа, культурный символ. Но нет большего горя, как в дни бедствий вспоминать о минувшем блаженстве... Будете ли вы отрицать, что народ имеет разные пути в возможности, как и душа народная имеет две бездны: вверху и внизу? Народ в высшем своем самосознании есть тело церкви, род святых, царственное священство, но в падении своем он есть та революционная чернь, которая, опившись какой-нибудь там демократической сивухи марки Ж.-Ж. Руссо или К. Маркса, таскается за красной тряпкой и горланит свое «вперед». И разве народ наш до этого революционного запоя не бывал христолюбив и светел, жертвенен и прекрасен? Станете вы это отрицать? Нет, не станете.

Дипломат. Да, в известном смысле и не стану.

Писатель. А если не станете, то не можете отрицать и того, что такой народ достоин того призвания, которое указывали ему его пророки не как привилегию, но как тягчайшую ответствен-

ность. Поэтому во что бы то ни стало надо нам теперь сохранить рыцарскую верность народной, а вместе с тем и нашей собственной святыне в эту ужасную годину. Забвена буди десница моя, аще забуду тебе, Иерусалиме⁷; прильпни язык к гортани моей, если стану хулить и шерамурствовать вслед за большевиками.

Дипломат. Позвольте, позвольте. То, что вы с такой убийственной иронией называете теперь шерамурством, есть не что иное, как прямое продолжение той всемирной бойни, в которой вы изволите различать верх и низ, шуйцу и десницу. Для меня это кошмарное бедствие не оправдывается никакими соображениями. Самое большее, я могу, признав его неизбежность, склониться пред ним, но лишь так, как я принужден склоняться пред силой болезни и смерти. Поэтому я ношу траур на сердце с самого 1914 года — стыдно признаваться в сентиментальности, но ведь и самые трезвые люди бывают иногда сентиментальны и суеверны даже. Тогда именно и загорелся мой дом, моя святыня, европейская цивилизация, а от нее запылала и наша соломеиная Россия. Раньше еще возможно было вводить войну почти в повседневное употребление, тогда были другие нервы и другие нравы: резали друг друга во славу Божию, а для теперешней Европы война невыносима и преступна, она есть мерзость пред Господом и в этом сплошном безумии и падении я не вижу никакого просвета.

Писатель. Так что вы, очевидно, полагаете, что Европа, задышавшаяся в капиталистическом варварстве, в напряжении милитаризма накануне войны имела больше духовного здоровья, нежели теперь, когда очнстительная гроза уже разразилась? Ведь ваша Европа тогда представляла собой скопидомскую мешанку, которая настолько уже обогатилась, что стала позволять себе пожить и в свое удовольствие. Только вспомните одни курорты европейские да и все это торгашество, мелкие достижения мелких людей, на которые разменяла себя Европа. Я сделаю вам личное признание: за последние 15 лет я совершенно перестал ездить за границу, и именно из-за того, что там так хорошо жилось. Я боялся отравиться этим комфортом, от него можно веру потерять...

Дипломат. Признание ценное, хотя не знаю, кого оно более характеризует. А знаете изречение сына Сирахова: «бегают нечестивый, не единому же гонящемуся»⁸? Может быть, от страха и не досмотрели там чего-либо и помимо мешанства, которого уж нам во всяком случае не стать занимать у Запада. Иные ваши единомышленники даже предпочтали жить на Западе для возгревания духа народного, дабы запастись там всякими доказательствами от противного, живописать были и небылицы о русском народе, о русском социализме или о русском Христе, смотря по предрасположению. Ведь чего же греха таить: и Тютчев приятнее

чувствовал себя в мюнхенском посольстве⁹, нежели в «краю родном долготерпенья», «в местах немилых, хотя и родных». Я вообще не знаю, что осталось бы от нашего славянофильства всех видов, если бы не было европейского «прекрасного далека», и мне даже кажется иногда, что оно наполовину является порождением эмиграции.

Писатель. И все-таки Европа накануне войны была духовно мертвеей страной, и лучше что угодно, нежели возвращение к status quo ante¹⁰. Вообще ни к какой реставрации вкуса я не ошущаю, а уж тем более к духовной.

Дипломат. И однако даже худой мир остается лучше доброй ссоры, это подтвердят вам все те, кому действительно пришлось понести тяготы войны, все увечные, вдовы, сироты. А я все-таки имею вам снова предложить свой вопрос: как могли вы и вся группа вам близких дойти до такого иступленного бряцання оружием — увы! — только словесным, — до такого апофеоза мировой бойни? По своему обычаю говорить именем народа — кто только этого не делает? — вы ему приписывали, что он лишь того и жаждет, чтобы сокрушить человекобожие германского вампира и водрузить крест на св. Софии, благо народ безмолвствовал. А когда он получил свой голос, он показал на деле, как он думает и о вампире, и о Софии!

Писатель. Неужели нам нужно снова перебирать все это пацифистское старье, так надоевшее, повторять споры Достоевского, Соловьева, Толстого и др., как будто елейными рассуждениями можно осилить войну. Оставьте это вегетарианское ханжество тупоголовым толстовцам, не желающим видеть далее своего носа. Впрочем, к этому хору присоединились еще революционные пацифисты, которые с ног до головы в крови и грязи сами. Да я боевому офицеру руки готов целовать, а вот этих янычар социализма, сухопутных матросов разных и весь этот красный легион видеть не могу, на улице обхожу при встрече, как исчадий.

Дипломат. Однако народность этого типа, которому и по-вашему имя легион, вы не можете отрицать. Беда-то в том, что своим шовинизмом, овладевшим одинаково и европейским общественным мнением, вы поддерживали атмосферу, в которой нельзя было и думать о скором прекращении войны. Благодаря этому был пропущен для ее ликвидации и первый момент революции, когда попытка эта была так естественна. Но на это не хватило у нашего общественного мнения самостоятельности, а сколь многое можно было бы тогда предотвратить, сразу поставив вопрос о мире.

Писатель. Теперь, когда война не удалась, легко находить виноватых.

Дипломат. Но все-таки дайте же мне поставить свой вопрос до конца. Я отнюдь не предполагаю тратить порох для защиты паци-

физма: ясно, что надо защищаться, если кто-либо нападет, валять же Ивана-дурака я вовсе не желаю. Пойду и дальше: если государственный разум и народный интерес велит что-либо заработать от этой войны, надо взять, что плохо лежит, без всякого там прикрытия «историческими задачами». На войне все волки и нечего прикидываться овечкам. Для нас таким лакомым куском всегда был Босфор, а одно время, казалось, и Галиция. Иные же — и из вашего лагеря — мечтали и о большем, именно, чтобы заключить мир непременно в Берлине и Вене, пройдя через всю вражескую страну с доблестными казачками. Стыдно и горько даже вспомнить теперь об этом, все-таки кой-чему мы научились и прозрели за время испытаний. Ну так вот: это все — волчки чувства. Левиафан — так Левиафан. Вот как немцы теперь проглатывают кусок за куском русскую территорию и все не могут остановиться. Но вы эту железную цепь всю розами обвили, да еще и крест над ней водрузили, кощунственно и лицемерно. Ведь это же напоминает, как теперь не просто отбирают имущество, а реквизируют во славу веры социалистической, которую ныне исповедуют ведь и за совесть, а не из-за одной корысти или хищничества.

Писатель. Нисколько не боюсь ни ваших сентиментальностей, ни ваших сравнений, внешне можно сопоставлять великую историческую задачу и жалкую бредовую идею. Вся русская история говорит нам, что «Константинополь должен быть наш». А история не в белых перчатках делается, и не школьный учитель ее герой. Царства создаются и разрушаются под громы битв, в землетрясениях. И когда *началось* землетрясение, когда мы оказались вовлечены в войну с Турцией, всякому, не закрывающему глаз, стало ясно, что история поставила вопрос о Царьграде. О том же, что он есть священный символ новой исторической эпохи для России, это мы твердо знали и раньше. Не нам было назначать времена и сроки, но не нам и противиться им. Поэтому я ощущал как неуместный гамлетизм и историческое малодушие резиньяцию на ту тему, достойны ли мы, чумазы, водрузить крест на Софии, или надо нам для этого предварительно кабаки закрыть или хотя черту оседлости отменить...

Дипломат. Надеюсь, что теперь резиньяция находит больший доступ к вашему сердцу?

Писатель. Нисколько. Я не страдаю истерическим слизнячеством, которое всегда пасует перед силой. Напротив, я склонен думать, что Россия духовно отравлена именно через это уклонение от своего исторического долга. Вы обратьте внимание, как изменился даже внешний вид солдата, — он стал каким-то звероподобным, страшным, особенно матрос. Признаюсь вам, что «товарищи» кажутся мне иногда существами, вовсе лишенными духа и облада-

ющими только низшими душевными способностями, особой разновидностью дарвиновских обезьян — homo socialisticus.

Беженец. Указание на появление таких существ без духа, но с душой начиная уже с 1848 года, есть в записях А. Н. Шмидт, она относится это к подготовке царства антихристового. Мне тоже приходило в голову это сближенно с передпотопным человечеством.

Дипломат. Ну и что же, разве совсем недавно не были вы готовы почти молиться на серую шинель? Неужели вы не замечаете, какое барское, недостойное здесь отношение к народу: то крестоносцы, а то звери! Ни то, ни другое: темные, некультурные люди, которых насильно повели на бойню: сначала они терпели, и тогда им ставилось 5 за поведение, потом же потеряли терпение, озлились, ну и «самоопределились»: конечно, тогда хам и распоясался вволю. Крестоносцы! До сих пор не можете забыть эту официальную ложь, которая столь же отвратительна, как и расточаемая ныне лесть разным пролетарским претендентам казенными перьями. Одно другого стоит. Разве можно вообще в наше время говорить о крестовом походе?

Писатель. Теперь, к сожалению, нельзя, после того как народ наш поклонился красной тряпке и золотому тельцу, точнее — его бумажному суррогату. Но пока народ наш сознавал себя православным, тогда было можно и должно говорить.

Дипломат. Тогда-то это и было особенно кощунственно. Ведь и революционное сознание имеет свои возрасты: то, что некогда было крестовыми походами, теперь является «империализмом» или даже «вампиризмом», возвышенными мотивами, прикрывающими низменную корысть. И я не ожидал от нашего славянофильства столь вольного перевода их романтических мечтаний на язык империализма. Мне казалось, что обладание Царьградом вообще мыслится ими не как результат насилия и завоевания, но как следствие культурного единения славянства, — словом, как постепенно созревающий плод истории. Полагаю, что даже теперь такая перспектива не вовсе ушла из поля исторического зрения, хотя и отдалилась безмерно. Вступить же в половецкий Константинополь в союзе славянских русских лиц, составлявших окружение престола перед революцией, чтобы начать там всякие безобразия и сделаться всем ненавистным, — от этой печальной судьбы помнювали нас боги. Кстати, не находите ли вы, что подобный же вольный мысли повторяют большевики, полоня огнем и мечом какой-нибудь русский город и тем объявляя его включенным в область социалистического рая, впредь пока не прогонят?

Писатель. Повторяю, что эта ваша ирония возвращается на вас самих как грех против хорошего тона. Но я по-прежнему не считаю ошибкой мысль, что Царьград должен быть нами завоеван.

и затем началась бы новая, царьградская эпоха нашей истории, как петербургский ее период начался с основания Петербурга. История идет порывисто, толчками, притом она отнюдь не сентиментальна, но скорее лапидарна.

Дипломат. А природа эволюционна: *natura non facit saltus*¹¹, или, в русском переводе: всякому овощу свое время. И все-таки — воля ваша — я не могу не видеть в этом неовизантизме увлечения или самообмана, прикрывающего «аннексии и контрибуции». И уж честнее и откровеннее были те политики, которые находили, что для России просто необходимы проливы. Я на вашем месте поосторожнее бы обращался со священными символами и не дал бы им истолково вывалиться в грязи. Неужели вы сами можете теперь без краски стыда вспоминать о своих царьградских мечтаниях?

Писатель. Верен им, как и раньше, и пребуду до самой смерти верен. До самой смерти стану думать, что Россия изменила своему призванию и продала первенство за чечевичную похлебку, которой тоже не получила — впрочем, и слава Богу!... Однако пути истории неисповедимы, и нелегко разгадать лукавство разума, ею правящего. Может быть, теперь ту задачу, которая поручена была русскому оружию, приняло на себя германское?

Общественный деятель. Это как же? Что вы думаете?

Писатель. А то, что, отторгая южную Россию, немцы крепче спаивают ее со всем южным и западным, австрийским и балканским славянством, сливают славянские ручьи в русское море, быть может, вернее, чем мы это умели. А уж остальное довершит логика вещей, и объединенное славянство, свергнув иго германства, стихийно докатится и до Царьграда. И исполнится предвестие Тютчева¹², над которым рано еще ироизировать.

Дипломат. Опять мечтательность российская, которой хочется увильнуть от горькой действительности. Какое зло для человека — идеология! И какая вообще может быть идеология у этой войны! В начале еще она казалась имеющей какую-то правду: самооборона, защита славянства (черт бы его подрал совсем!), борьба за свободу. Но ведь такой энтузиазм по законам естества мог продолжаться месяца два-три, а когда война перешла этот, единственно для нее допустимый срок — заметьте, что в начале ее неомраченное еще сознание Европы так это и понимало, — война закономерно загнала и стала ужасающим источником деморализации и озверения. Определяющее значение получило желание пожнвиться или друг друга истребить, и теперь все уже потеряли голову. В этой грабительской бойне даже русская революция сначала ничего не умела изменить, а только из всех сил старалась быть пайнойкой перед союзникам и бессильно лепетать: «война до победного конца», прибавляя единым духом: «без аннексий и

коитрибуций», однако с потаенной надеждой все-таки на Константинополь. И вся эта канитель тянулась, пока большевники не разрубили гордиева узла. В этой их прямолинейности, в которой вы видите один скандал и измену, сказалось движение правдивой русской души, которая не дала себя затуманить международному ареопагу.

Писатель. Теперь вы опять оказываетесь в единомыслии с большевиками, которые, объявив себя миролюбцами перед грозным врагом, принялись за истребление безоружного населения. Хорошо правдивое движение души, цинизм беспросветный!

Дипломат. Да как же вы не видите, что большевизм и есть прямое наследие и продолжение войны, ее гниение, перешедшее вовнутрь. Это-то есть наилучшее обличение войны, всей ее преступности: мечтали о царьградской эпохе, а получили гражданскую войну и социальную тиранию, от разбоя внешнего перешли к разбою внутреннему. И есть жестокая жизненная правда в том, что все мы, герои тыла, из прекрасного далека аплодировавшие войне, должны ее испытать на собственной шкуре, оплатить чистоганом за свои почетные кресла зрителей на спектакле мировой истории. Теперь, после того как мы пережили все кошмары большевизма, становится немного стыдно наших завоевательных мечтаний, которые сводились к тому, чтобы напустить дикую солдатчину, всяких большевиков на беззащитное население враждебной страны. У нас теперь эту солдатчину и всеобщее одичание объявили социализмом и наименовали «диктатурой пролетариата». Однако в этой солдатчине повинна и вся Европа, и не уйти и ей от своего возмездия, от всеевропейского большевизма. В этом ожидании, по моему, правы большевики, хотя и могут ошибиться в сроке, который для них-то всего важнее. Да чего таить: и в зверином образе большевика против культа всеобщей солдатчины поднимает мятеж все-таки человек.

Беженец. В этом замечании много верного. Не случайно, что большевизм раньше всего появился именно в России. Конечно, и народ наш, как наиболее слабый экономически, менее всего способен к продолжительному несению военных тягот, но, кроме того, он и наименее извращенный, с девственной еще кровью. Обратите внимание, насколько косит диких алкоголь и сифилис, к которым по-своему приспособились европейцы. И это не значит, что дикари в этом отношении хуже их, но совсем наоборот, вследствие чистоты и благородства их крови. Русская душа не вынесла иадолго ига милитаризма, и слава Богу! Разве вы хотели бы на самом деле, чтобы русский солдат уподобился военной кукле, которую швыряют с одного фронта на другой, чтобы лечь костями за новые рынки для Vaterland'a? Не есть ли эта deutsche Treue¹³ скорее извращение естества? Наш народ не любит войны, это — факт.

Дипломат. И во всяком случае войну со своими офицерами и безоружным населением он предпочитает войне с вооруженным врагом. Я не нахожу большого вкуса ни в том, ни в другом, ни в гуннах, ни в половцах. Характерно, что большевистское иго изменило обывательское отношение к немцам: те самые, которые недавно еще пылали шовинизмом, теперь вздыхают о них как об избавителях. Замечаете, какие успехи делает «германская ориентация»?

Общественный деятель. Да, это, бесспорно, крайне печальный факт. Инстинкт самосохранения погашает а нас другие чувства. Большевизм насильственно вогнал нас в «буржуиность», пробудил тот самый дух, который собирался заклясть. Сам он есть буржуиность «пролетариев», дорвавшихся до жизненного пира и развалившихся с ногами прямо на стол. Все же, ушибленные испугом и жаждущие покоя и охраны собственности — а ведь кому же она не мила! — вздыхают о немце, который становится ангелом-хранителем буржуазного строя. Россия положительно задыхается от буржуазности под лапой зверя. Какая мерзость, какая тоска!

Дипломат. Что-то мало верится в подлинную возвышенность чувств у тех, кто так легко поддается испугу. Да ведь и то сказать: разве же нет и глубокой правды в этом движении «народного гнева», как и в прежней пугачевщине? Я социализм считаю, конечно, недомыслием и ребяческим предрассудком, но когда я вспоминаю о той оргии наживы, которой охвачены были иаши Минины и Пожарские перед революцией, иногда не могу воздержаться от злорадства. Так им и надо! Умели кататься, умеете в саночки возить! Им, конечно, всякое пробуждение народных масс доставляет неудобства... Теперь народ все-таки получает справедливое удовлетворение за то, что нес тяжесть этой войны... А все-таки вот вам мораль войны: благодаря войне наступила не византийская, но большевистская эпоха в русской истории.

ДИАЛОГ ВТОРОЙ

Русский бунт, бессмысленный и беспощадный.
Пушкин

О, бурь заснувших не буди,
Под ними хаос шевелится.

Тютчев

Генерал. Я со всеми этими сближениями решительно не могу согласиться. Вы упускаете из виду при этом рассуждении событие первостепенной, колоссальной важности — революцию. Именно

она сгубила войну, а затем и Россню. Армя лишилась души, а война — своего смысла вследствие революции. Не знаю, какой — уж немецкий или масонский — заговор здесь был, чтобы свалить Россию, но революция, да еще во время войны, явилась настоящим самоубийством для русской государственности.

Дипломат. Я, конечно, ни на минуту не забывал о революции, но я ее рассматриваю также в контексте войны, как один из ее эпизодов, впрочем, весьма существенный. При этом я вижу в ней закономерное, совершенно неизбежное движение народа к освобождению. Неизвержение старого строя есть единственное из достижений войны, которое я приемлю безусловно и без всякого ограничения. Ветхий трон разлетелся в тысячу щеп. И хотя я знаю, что из этой тысячи образовалась тысяча тысяч доходных курульных кресел для разных помпадуров от социализма до земских начальников от революции, но это все пройдет, а к прошлому все-таки возврата не будет. И день 2 марта 1917 года¹⁴ навсегда для меня останется светлой датой.

Генерал. А для меня он был одним из самых ужасных, самых тягостных дней жизни, воистину смертный день. Я не знаю, как пережил я эту страшную утрату, в то время как все ликовали, друг друга поздравляли. Мучительно даже воспоминанием касаться этого проклятого Богом дня. И тогда для меня стало сразу же ясно, что война окончена и бесповоротно проиграна, что погибла наша Россия.

Общественный деятель. Ну нет, про себя я должен признаться, что тогда-то я и поверил и в русское будущее. Ведь только подумать: устранено змеиное гнездо измены, во главе правительства стали верные, испытанные вожди. Я теперь думаю, что если революция не удалась, то на это были свои причины в виде ошибок, слабостей, увлечений, но сама по себе она была во всяком случае необходимой и благодетельной.

Генерал. Подобные суждения раньше способны были меня приводить в бешенство и отчаяние, пока я совершенно не разочаровался в русском образованном обществе... Частные ошибки... Да ведь все, все было уже предопределено в те дни, когда порвалась внутренняя связь России, историческая скрепа, определяющая форма жизни. Это, кажется, энтелехией, что ли, философы называют? Ну так вот потеряла Россия эту свою государственную энтелехичность¹⁵. Россия есть царство или же ее вообще нет. So sagten schon Sibyllen, so Propheten¹⁶. Этому достаточно научило нас и Смутное время. Этому не понимали только тупоголовые, самодовольные «вожди», которые самоуверенно расположились в министерских креслах, как у себя дома. Но пришли другие люди, менее хитроумные, зато более решительные, и без церемоний сказали: позвольте вам выйти вон. Ну, нных и помяли при этом — без

этого перевороты не обходятся. А я вам скажу: и отлично сделали. Уж очень отвратительна одна эта мысль об окадеченной «конституционно-демократической» России. Нет, лучше уж большевики: style russe, сарынь на кичку! Да из этого еще может и толк выйти, им за один разгон Учредительного Собрания, этой пошлости все-русской, памятник надо возвести. А вот из мертвой хватки господ кадетов России живую не выбраться-б!

Дипломат. Фатальный ход мысли, обрекающий русский консерватизм на симпатии к большевизму, конечно, ради надежды на реставрацию: недаром же, как говорят, в рядах большевиков скрывается столько черносотенцев. И притом я уверен что иные из них работают не только за страх, но и за совесть, все ради этого призрака. В этой ненависти к европейским политическим формам, вообще к «правовому государству» и праву есть нечто поистине азиатское, от чего мы и всегда изнемогали, а теперь сделались только объектом международного права. Как политик, я не закрываю глаз на слабости и ошибки кадетов, на их неустойчивость и вечное оглядывание налево, — ведь им приходится бороться с теми же закоренелыми русскими предрассудками и в своей собственной среде. Однако это есть все же единственная партия в России, имеющая политический разум.

Генерал. Вот именно этого-то они и не имеют. Ничего они в России не понимают и не видят дальше своего носа. Разве они понимали когда-нибудь, что значит царская власть для России, вообще власть «милостью Божией»? Этого в их шпаргалках не значится... Посмотрите, с какую беспомощность мечутся они от монархии к республике, а от республики к монархии, по справедливости не встречая себе доверия ни там, ни здесь. Для них, изволите ли видеть, вопрос о главе государства в России не имеет принципиального значения, а только практическое. Это судят так русские государствоведы с политическим разумом... Нет! В революции кругом виноваты они!

Общественный деятель. Ну, вот, нашли виноватого! Ату его!

Генерал. Да, они! Они ее подготовляли, они ее хотели, а теперь обижаются, что не по-ихнему выходит, что сами получили в шею. Ведь не дети же мы: отлично понимали, что значит и этот «прогрессивный думский блок» с октябристским рамолисментом¹⁷ по кадетской указке, и вся эта мобилизация общественности с ее невыносимой шумихой. Да если бы они понимали что-нибудь в России, они знали бы, какую ставку делают, щипя о «перемене шафера», по подлому тогдашнему выражению.

Общественный деятель. Да и вы не стесняетесь в выражениях.

Генерал. Я старый солдат и дипломатничать не люблю. Я помню хорошо все эти разговоры с ними уже накануне революции. Рассуждали о том, насколько безболезненно пройдет для армии и

страны «перемена шофера». И я, неисправимый романтик самодержавия, утопист, чувствовал себя единственным трезвым среди иступленных. Они вообразили, что переменить помазанника Божия можно и впрямь как извозчика и что, переменяв, они и поедут, куда желают. Вот и поехали! Что, просчитались немножко? Не нравится теперь? Нет, молодцы большевики!

Дипломат. Печальная черта русских, да и вообще славянства: из-за партийных распрей забывать о России. Хоть бы у немцев поучиться партийному самообладанию во имя патриотизма! Из-за злорадства восхвалять большевиков! И все-таки остается незыблемым историческим фактом, что революция не явилась у нас следствием чьего-либо умысла или заговора. Вы слишком многое здесь приписываете кадетам и их союзникам и слишком низко расцениваете тем самым прочность излюбленной вами «священной теократической власти», если допускаете, что ее можно было свалить интригами или думским блоком, или даже, как утверждают иные, подкупленными чьим-то золотом полками. В том-то и дело что революции у нас никто не делал и даже никто по-настоящему так скоро и не ждал: она произошла сама собой, стихийной силой. Давно уже подгнивший трон рухнул и развалился, и на его месте *ничего*, ровно ничего не осталось. В этом-то и должна бы, на мой взгляд, заключаться главная трагедия фанатиков самодержавия. Революцию сделала война, а затем ею воспользовались как достойные, так и недостойные власти, и события стали разворачиваться с неумолимой логикой.

Писатель. Да, и я скажу: как я ни старался быть верен священному преданию, но я похоронил в своем сердце самодержавие ранее его падения. Разве не были сплошной агонией все эти последние годы и месяцы старого режима? Безнадежный больной, который оплакан ранее смерти! Когда же это наконец совершилось, то я почувствовал даже нечто вроде облегчения, у меня не осталось уже слез и сожалений. По крайней мере, освободился я от тяжелой необходимости постоянно извинять его и защищать перед другими, да и перед самим собой, и притом без всякой уже веры. Ведь не поверите, до того я дошел, что чувствовал себя чуть ли не лично ответственным перед всеми, знавшими мой образ мыслей, за все эти безумные акты, за это бездарное безвкусице, рахитизм какой-то золотушный. Приходится сказать: оставим мертвым погребать своих мертвецов.

Общественный деятель. Тут не только бездарность и деспотизм, но ведь и распутинщина, вот этот самый *style russe*. Ведь кошмарно вспомнить об этом даже и теперь. Распутин — вот истинный вдохновитель революций, а не кадеты.

Беженец. Вы правы, быть может, гораздо больше, чем сами думаете, насколько Распутин был точкой приложения, медиумом

для действия некоторых мистических сил. И тем не менее в этом роковом влиянии более всего сказался исторический характер, даже значительность последнего царствования. Царь взыскал пророка теократических вдохновений, — ведь это ему и по соловьевской схеме полагается!¹⁸ Его ли одного вина, что он встретил в ответ на этот свой зов, идущий из глубины, только лжепророка? Разве здесь не повинен и весь народ, и вся историческая церковь с первосвященником во главе? Или же никто лично здесь не виноват, и если уж можно говорить о вине, то только о трагической, точнее, о судьбе, о некой жертвенной обреченности, выпадающей на долю достойнейших, а отнюдь не бездарностей.

Общественный деятель. Совершенно не понимаю этой идеализации распутинства и какой-то мистификации грязного мужика. Здесь уместно суждение половой психопатологии, и только всего. Но политических-то результатов этой хлыстократии ведь уж никто не может отрицать, и нельзя было оставлять страну в разгаре мировой войны на жертву этих хлыстовских экспериментов. Да что говорить: я знаю достоверно, что, когда убит был Распутин, даже весьма благочестивые духовные лица, конечно, не делавшие на нем карьеры, искренно перекрестились.

Генерал. А вы, может быть, думаете, что мне тоже легко было видеть и распутничество, и весь этот рахитизм власти? Но для меня аксиома, что народ имеет правительство, какого заслуживает, а относительно Помазанника Божия я верю еще и в то, что сердце Царево в руке Божией, и нам не дано исправлять Его пути, в чем теперь и всем пора убедиться, как пора убедиться и в том, что царь при всех своих слабостях все-таки был выше своего народа. Не захотели царского самодержавия, несите теперь иго интернационального.

Общественный деятель. На свой вкус я большой разницы здесь не вижу.

Генерал. Да ведь как бы ни ворчали и ни скорбели тогда, но была надежда, что царская власть, вопреки всем вымыслам об измене, которые так и остались безо всякого подтверждения, доведет Россию все же и до победного конца войны и до врат Царьграда. С революцией же у меня сразу пропала всякая надежда. Да и на кой ляд мне стал Царьград без царя, что я туда с папá Милюковым¹⁹ и душкой Керенским, что ли, пойду? Пусть уж лучше там турецкий султан сидит с уцелевшими старотурками, хранителями древнего мусульманского благочестия. Они все же мне милее. А что армия погибла и война окончена бесславно, в этом у меня не было ни малейшего сомнения с первого момента революции, раньше еще, чем ее начали разлагать Гучков с Поливановым²⁰, а затем «сенатор» Соколов²¹ подоспел, ну, а потом уже принялись за армию большевики.

Дипломат. Я не понимаю такой исключительности ваших рассуждений. Да разве же не бывает республиканской армии и республиканской доблести? Поглядите на Францию.

Генерал. Ну, это уж извините: что для француза здорово, для русского смерть. Русское войско держалось двумя силами: железной дисциплиной, без которой не может существовать никакая армия, да верой. Пока была власть, законная, авторитетная, была и основа дисциплины. Солдат знал, что он поставлен пред неизбежностью повиновения, и он с этой неизбежностью покорно, но мудро и кротко мирился. Вот почему он представлял столь первоклассный боевой материал, для него ничего не было невозможного. Но затем у него была вера, которая давала ему возможность воевать не за страх, а за совесть. Содержание же этой солдатской веры известно, оно в трех словах: за веру, царя и отечество. Но все эти три идеи нераздельно были для него связаны: вера православная, царь православный, земля тоже православная, а не какая-то patrie или Vaterland.

Общественный деятель. А сколько в армии было нерусских и неправославных?

Генерал. Сколько бы ни было, но ядро ее составляли русские, православные солдаты. А у других тоже есть своя вера, и не в «землю же и волю», а в Бога. Это и все. Никакого там личного начала, сознательной дисциплины, государственности у них нет и не было. Потому-то наши чудо-молодцы с подорванной верой так стремительно переродились в большевиков и армии не стало. Для всех сделалось ясно, что армия есть тоже духовный организм и русская военная мощь, как и русская государственность, связана со своей антелехийной формой и основана на вере, а не на воле иародной и разных там измышлениях. Вие этой формы нет и России. Развалилась, рассыпалась! Но и все-таки скажу: пусть подпадет лучше временно под иноземное иго, которое ее воспитает, нежели гниет от благополучия при кадетской власти, с европейским парламентаризмом.

Общественный деятель. Кажется, для вас немцы, японцы, большевики, даже турки, все что угодно все-таки лучше кадетов: странный психоз кадетобоязни в такое время, когда кадеты подвергаются гоению всяческому.

Генерал. Да, лучше. Они-то и суть главные развратители России, с европейской своей лощеностью. Ведь большевизм наш уже потому так иароден, что он и знать не хочет этого «правового государства» обезбоженного. Он тоже ведь хочет православного царства, только по социалистическому вероисповеданию. Для нас святая Русь, народ православный, а для них социалистическое отечество, социалистическая лжетеократия. Да и весь лепет их о пролетарской культуре ведь о средневековой ancilla theologiae²²

напоминает, с угольками св. инквизиции даже, во славу ecclesiae socialisticae²³. Вообще на гребне большевизма кое-что живое можно увидеть. Вот и их гонение на церковь тоже от социалистического благочестия и ревности в вере и, право, лучше безбожной «веротерпимости».

Общественный деятель. Вы договорились до того, что наглое насилие и откровенное грабительство изображаете каким-то зельтизмом²⁴, лишь бы очернить ненавистных вам кадетов. Вы сами этой явной несправедливостью даете сильнейшую на себя критику, обличающую ваше собственное фанатическое ослепление.

Генерал. Но разве можете вы отрицать, что революции нечем заполнить образовавшуюся пустоту, кроме как всякими отрицательными свободами, да еще культурными ценностями разными, а народ вовсе не любит ни свобод, ни ценностей этих, он отвечает на эту проповедь насилиями да погромами, бессознательно мстит за то, что у него душу вынули, сокровища его лишили. Вот и армия у нас разложилась, и не соберете, какие оклады ни дадите, какие социалистические присяги ни выдумывайте.

Общественный деятель. Разложение армии у нас явилось следствием ряда ошибок, попустительства власти да бессовестной демагогии. Проглядели и не досмотрели, только и всего!

Генерал. Да, немногого не досмотрели! Совсем пустяка! Я вам вот что скажу. Когда Керенский расточал перед солдатами свое красноречие, призывал их сражаться за землю и волю под красными знаменами, я внутренне боялся за солдат, неужели пойдут за ним, неужели изменят вековому сознанию народному. Но не выдали русачки, не пошли, остались семечки лущить. А потом, когда дошло до дела, то и побежали, подло, бесчестно, предательски. По-русски поступили, а не по французскому образцу. Хоть и гниют мерзавцы, но все-таки русаки. И не восстановится армия, пока не возродится русская государственность. Этого не умеют понять ни кадеты, ни союзнические дипломаты, все лепечущие свои уроки о демократии, как не понимают и окадечивающиеся теперь большевики, недаром они уже всю Россию под подозрение взяли. Нет, русский народ сер, да у него ум-то не черт съел, хоть и делает он теперь глупости и безумия, словно этот сумасшедший Аякс Меченосец²⁵, избивающий стада.

Дипломат. В этом вашем максимализме я вижу не что другое, как надежду на реставрацию; впрочем, теперь у многих это появилось вследствие испуга и утомления. Иные согласны хоть на немецкого ставленика, лишь бы порядок. Но здесь уже я становлюсь максималистом. Дело монархии безнадежно проиграно в истории, и надо иметь мужество это признать и сделать отсюда соответствующие выводы. Русская революция наглядно показала, что монархических чувств и в русском народе уже нет. Монархия в

России может явиться только плодом иноземного вмешательства и сразу же утратить свой народный характер. Едва ли об этом вы мечтаете. А отсюда следует, что надо искать здоровых форм народоправства в виде республиканского парламентаризма, который освободит нас из тисков социальной тирании и олигархической диктатуры.

Беженец. Вероятно, вы правы в своем диагнозе, по крайней мере, в отрицательной его части. Но не кажется ли вам, что и прежняя государственность как система мировых держав, борющихся за сохранение равновесия, уже отживает, и прежние границы государств скоро отойдут в область предания?

Генерал. Вы, может быть, хотите сказать, что границы эти будут отменены в пользу Германии, которая, действительно, на востоке уже не имеет границ? Впрочем, остаются еще Япония с Китаем. Для них теперь приближается историческая очередь: панмонголизм! Ведь и по Вл. Соловьеву же так²⁶?

Беженец. Нет, я определенно хочу сказать, что вот эти старые государства, ведущие теперь кровопролитную войну, принадлежат прошлому, их уже нет в плане истории, а на развалинах их или, если хотите, из них создается одно государство, совпадающее по площади со всем культурным миром. Впрочем, в этой перспективе и для японского выступления с панмонголизмом место найдется.

Генерал. А Васька слушает да ест. Вместо этого сомнительного утешения лучше бы хорошую армию. Тогда бы мы иной прогноз осуществили.

Беженец. Я вовсе не ишу в этом утешений, но просто так вижу. И это чувство явилось у меня с чрезвычайной яркостью одновременно с русской революцией. Если чем-либо и оправдывалось еще существование самостоятельной государственности в истории, так это именно наличием православного царства, которое не только хранит в себе все задания священной империи, но имеет еще и свой апокалипсис; его раскрытие, впрочем, еще впереди, только уже на иных, не на империалистических путях. А теперь, если его, действительно, не стало, то к чему же эти остальные «державы»? 'Ο χατέχων — держай ныне «берется от среды» (ἐκ μέσου γένηται), по слову апостольскому (2 Фес. 2, 7). Теперь мир может беспрепятственно стремиться к последнему, окончательному смешению, в котором свою роль сыграет и панмонголизм.

Дипломат. Я могу здесь судить только о порядке эмпирическом, но должен сознаться, что нахожу эту мысль довольно правдоподобною. Дело в том, что новейшие государственные колоссы связаны в происхождении своем с национальным капитализмом и соответствовали определенному его возрасту, который по многим признакам уже миновал. Капитал давно стал интернационален,

но таким же становится и капитализм. Для него государственность уже узы, он тоже ищет свободного «самоопределения», дальнейшая же милитаризация, которая неизбежно была бы связана с системой политического равновесия, будет ни для кого непосильна. Вот реальный смысл формулы: война до победного, точнее, до естественного конца, пока не сгорит весь горючий материал. Если победит Германия, она завладеет миром вкуче с Японией, и тогда вместо полудюжины левиафанов второй величины явится один двуглавый гермаино-японский зверь. Если победит согласие, система Соединенных Штатов утвердится повсюду. Поэтому и на теперешнее русское положение приходится смотреть лишь как на предварительное, начерно определенное. Нельзя, наконец, упускать из виду и перспективу всемирного большевизма после войны, который еще раз смешает карты. И недостижимой для всех этих гроз остается только Япония, которая воинственна и по религии, и по темпераменту, и по интересам, и по исключительно выгодному положению момента. Словом, я тоже признаю для Европы, а прежде всего и для России — опасность грозы с востока. Ну, а уж относительно *о хатэхов* российского рассуждать — не моего ума дело. Впрочем, нечто подобное и Тютчеву грезилось. Мы, реальные политики, сыздавна привыкли переводить *о хатэхов* — мировой жаидарм, каковым и была николаевская Россия.

Беженец. Чем шире разворачиваются события войны, тем яснее намечается их фатальный характер для судьбы России. Все нужное и спасительное для нас приходит не вовремя или вовсе не приходит; напротив, все вредоносное имеет успех. Словно исполняется какой-то, не раскрывшийся еще до конца, план или заговор. Ведь вы только посмотрите: в разгаре мировой войны усиливается влияние Распутина, который приводит к революции — накануне решительного наступления. Далее следует опыт июньского наступления, сменяющийся Тарнопольской катастрофой²⁷. Корниловская попытка спасти армию²⁸ срывается вследствие ничтожных самолюбий и мелких интриг; большевистское восстание происходит в то время, когда Россия получает возможность почетного выхода из войны, и, конечно, эта возможность заменяется Брестом, а большевизм торжествует повсюду и с головой выдает Россию врагу. При этом большевикам всюду бешено везет, и заранее обречены на неудачу все попытки им противодействовать. Конечно, во всем этом роковом сцеплении обстоятельств возможно видеть и грех власти, и темноту народа, и даже прямой вражеский план. Но я не могу отделаться от той мысли, что здесь действует и какая-то невидимая рука, которой нужно связать Россию, осуществляется какой-то мистический заговор, бдит своего рода черное провидение: «Некто в сером», кто похитрее Вильгельма, теперь воюет с

Россией и ищет ее связать и парализовать. Чем-то она мешает тому, кто рвется к жадному господству над миром. И разве это не есть небывалое в истории, хотя и отрицательное, черное чудо: падение мирового царства, в сущности, в несколько часов или хотя месяцев? Чувствую это давно и неотразимо...

Генерал. Если вы про Соловьевского антихриста опять вспомнили, то боюсь, что нечего ему делать у нас, антихристу-то приличному, не с кем дела иметь, до того испохабилась Россия. Впрочем, в некоторых церковных кругах, в монастырях иных, поговаривают о приближении антихристового царства, книжки об этом почтывают, пророчества разные передаются. Но слишком очевидны психологические источники этих настроений, и затем столько это раз уже повторялось. Во всяком случае и с антихристом ведь воевать можно, вот только армию нужно для этого особую...

Дипломат. Ну, я в мистической дипломатии смыслю мало, да и по-ньютоновски: hypotheses pop fingo²⁹, не люблю фантазировать. Знаю твердо только одно, что России надо во что бы то ни стало установить у себя правовой порядок, упрочить здоровую государственность и справиться, наконец, с хаотической распыленностью. Нужно ввести жизнь в ограненные берега. *Римское право* — вот чего нам не привила наша история. А вне правового пути нас ждет политическая, а вместе и культурная смерть. Это ясно, как $2 \times 2 = 4$, без всякого мистического тумана.

Генерал. А для меня ясно, что именно подобные суждения как раз и сотканы из тумана ученых отвлеченностей. «Правовой строй» да «правовое государство» — на эту удочку народ наш не подцепишь. Ему нужна личная, конкретная государственность, связанная с его душой. Вот когда освободится эта душа от революционного дурмана, тогда она изнутри, актом творчества всенародного возродит и утраченную власть, тогда восстановится сама собой и Россия. Все же прочее лишь паллиативы, чтобы кое-как «прочее время живота» протянуть.

Дипломат. Понимаю, на что вы метите. Только этому не бывать: время, к счастью, необратимо. Впрочем, для любителей «монархической государственности», надо думать, нечто изготавливается за кулисами, но только иностранной марки: made in Germany.

Генерал. Этого-то я больше всего и боюсь: еще новый подмен в наш век всяческих подменов. То, чего я хочу, может совершиться лишь всенародным воскресением, которое сейчас представляется прямо чудом. Только чудо и может нас спасти.

Общественный деятель. Да с нами и совершилось уже одно чудо, гибель России. Разве не чудесной кажется вся эта катастрофа? Это национальное самоубийство? Там, где высился грандиозный храм, вдруг оказалась лишь зловонная, липкая, гнойная грязь. Может быть, в руках немецкого хозяина она и обратится в Dünger³⁰ для произрастания разных злаков, да нам-то что? Наша вера умерла и поругана, нет более русского народа. Видела ли история такое оподление целого народа? Не могу я желать для него ни счастья, ни удачи, ни даже простого благополучия. Нет, да пошлет нам справедливый рок «трус, глад, потоп, междоусобицу брань и нашествие иноплемеников», да это все и послано уже. Пусть злодеи и убийцы получают должное возмездие. Ненавижу я их всеми силами души и плюю им во всю их наглую, мерзкую социалистическую харю... Если удастся наскрести какие-нибудь средства, мечтаю уехать в Канаду. Там, может быть, начнется новая Россия, а здесь все загублено и опоганено.

Дипломат. Я уже сказал, что считаю это глубокой, возмутительной неправдой. Сначала в ноги бухают, потом же секут, как дикари, своего божка, а сами все-таки не могут обойтись без игрушек. Недавно еще мечтательно поклонялись народу-богоиосцу, освободителю. А когда народ перестал бояться барина, да потрянул вовсю, вспомнил свои пугачевские были, — ведь память народная не так коротка, как барская, — тут и началось разочарование. Конечно, народ наш темен и дик, это всем известно. Возьмите статистику грамотности или преступности, — что она говорит? Воспитание свое он проходил в виттевских университетах, казенках этих подлых, да в куриных избах или фабричных клоповниках. Чего же вы хотите? И в предьявляемом вами историческом счете я вижу, прежде всего, несправедливость. Они должны быть обращены к культурному классу, не исполнившему своей просветительной миссии.

Общественный деятель. Да, для вас, как и многих, вопрос исчерпывается количеством школ да годовым потреблением мыла. Но есть ведь душа народная, осязательно ощутимая в русской истории, русском творчестве. Ведь не мы же это измыслили. Вот и спрашиваешь себя теперь: неужели же этот самый народ породил преп. Серафима и Пушкина, Ушакова³¹ и А. Иванова, Тютчева и Достоевского, Бухарева³² и Вл. Соловьева, Гоголя и Толстого?

Генерал. Уж Толстого-то вы лучше не поминайте. Если был в России роковой для нее человек, который огромное свое дарование посвятил делу разрушения России, так этот старый нигилист, духовный предтеча большевиков теперешних. Вот кто у нас интернационал-то насаждал. Думать о нем не могу спокойно.

Дипломат. Можете и не думать, но произносить хулы над тем, в ком русская совесть жила, тоже не годится. Ведь именно Толстой всегда говорил о войне то, что теперь становится и для всех ясно, и никогда не мирволил иллюзиям относительно возвышенности войны. Правда, народушке и он поклонялся, — он был все-таки барин, — но мессианизмов для него не сочинял. А вот Достоевский — тот был, действительно, роковой для России человек. Нам до сих пор еще приходится продирааться через туман, напущенный Достоевским, это он богоносца-то сочинил. А теперь вдруг оказывается, что для этого народа ничего нет святого, кроме брюха. Да он и прав по-своему, голод — не тетка. Ведь и нас когда на четвертки хлеба посадили, мы стали куда менее возвышенны.

Общественный деятель. Вот я все и спрашиваю себя: пусть бы народ наш оказался теперь богоборцем, мятежником против святынь, это было бы лишь отрицательным самосвидетельством его религиозного духа. Но ведь чаще-то всего он себя ведет просто как хам и скот, которому и вовсе нет дела до веры. Как будто и бесов-то в нем никаких нет, нечего с ним делать им. От бесноватости можно исцелиться, но не от скотства. Это у меня навязчивая идея: ночью иногда просыпаюсь в холодном поту и повторяю в ужасе: не богоборец, а скот, скот, скот... Посмотрите на эту хроннику ограблений и осквернений храмов, монастырей, ведь это же массы народные совершают, а не единицы. Посмотрите, какое равнодушие к отмене Закона Божия в школах, какая пассивность ко всему этому инородческому засилию, ведь все тот же индифферентизм в этом сказывается.

Генерал. Инородческому отравлению надо многое приписать в современной русской жизни, которая вся протекает теперь под знаком псевдонимности. Недаром ее поспешили даже декретировать. Стремятся отделиться от самих себя, от всякой органической связи. Из людей превращаются в актеров, избирающих себе фамилии по удобству. Впрочем, в наше время псевдонимы вообще относятся к *ridenda*³³, прикосновение к коим возбраняется.

Дипломат. Ну и договорились. Уж верно всегда так бывает: поскоблите русского консерватора и откроете жидоеда. Да и Достоевский не без того был, в противоположность Толстому, разумеется. Я же со своей стороны полагаю, что жалобы на инородческое засилие есть только демонстрация собственного бессилия. Да и кроме того, спрошу вас: чем же отличается теперь «народ-богоносец», за дуриное поведение разжалованный в своем чине, от того древнего «народа жестоковыйного», который ведь тоже не особенно был тверд в своих путях «богоносца»? Почитайте у пророков и убедитесь, как и там повторяются — ну, конечно, пламен-

нее и вдохновеннее — те самые обличения, которые произносятся теперь над русским народом.

Беженец. Сближение это отнюдь не исчерпывается одной только «жестоковьюностью». Вообще есть какое-то загадочное и совершенно удивительное тяготение еврейства к русской душе. Это по-своему чувствовал Вл. Соловьев, даже и Достоевский, теперь В. Розанов. Эта *Wahlverwandschaft*³⁴ есть очень интимная, но и очень значительная черта.

Генерал. Просто-напросто мы стали теперь инородцами относительно самих себя, потеряли свое лицо вместе с чувством достоинства.

Общественный деятель. Вот это-то и приводит меня в отчаяние: ведь все инородцы имеют национальное самосознание. Они самоопределяются, добывают себе автономии, нередко выдумывают себя во имя самостоятельности, только за себя всегда крепко стоят. А у нас ведь нет ничего: ни родины, ни патриотизма, ни чувства самосохранения даже. Живут воспоминаниями былого величия, когда великодержавность русского народа еще охранял полицейский, как та барыня, которая и после падения крепостного права все продолжала чувствовать себя рабовладелицей. И выходит, что Россия сразу куда-то ушла, скрылась в четвертое измерение и остались одни провинциальные народности, а русский народ представляет лишь питательную массу для разных паразитов.

Беженец. Простите, но я в этом отсутствии самого вкуса к провинциализму, в неумении и нежелании устраиваться своим маленьким мирком, какую-нибудь там самостоятельностью вижу все-таки печать величия нашего народа и его духовного превосходства, по крайней мере, в призвании: единственный в мире народ всеобщего сознания, чуждый национализма. Это даже и чрез уродливости интернационализма теперешнего брезжит. И вообще в этом залог великого будущего, а все великое и трудно, и даже опасно. Но за эту черту можно и дорогой ценой заплатить.

Дипломат. Все те же славянофильские иллюзии. Просто народ наш до патриотизма и национализма еще не дорос, он знает только свою избу да деревню. И эти славянофильско-интернациональные сказки, которым обучились теперь и большевики, говорят только о нашей политической и культурной отсталости. Да ведь и на самом деле они же культурней нас, эти самоопределяющиеся народности. Вам известны, вероятно, примеры, как даже татары охраняли наши храмы от большевиков. А таких зверств, которыми они себя запятнали, не совершала ни одна народность. Нет, надо нам смириться и просто признать, что при данном состоянии мы оказались ниже всех народов и востока и запада. Побеждены мы также потому, что противники наши не только просвещеннее, культурнее, но и честнее, религиознее. Было

бы непостижимым попранием законов божеских и человеческих, если бы deutsche Treue оказалась побеждена русской неверностью. И если нам предстает испить горькую чашу немецкой оккупации, то мы должны научиться из этой школы всяческой самодисциплины и особенно трудовой. Ведь надо же сказать правду, что работать мы не любим и не умеем, сверху и донизу. Вообще ближе всего к истине по вопросу о русском народе стоял все-таки Чаадаев, имевший смелость признать всю нашу нищету и убожество сравнительно с народами запада. Впрочем, даже и у него приходится отвлекаться от славянофильства и навыворот, впоследствии перешедшего и в прямое. Но в непоколебимой правдивости национального самоанализа он был поистине велик.

Генерал. Ведь вот беда-то: вместе с революцией не только наше государство куда-то исчезло, но и народа русского словно не стало, и он разложился на свои элементы. Он представляет собой этнографический сплав, и притом невысокого качества элементов. «Где мера намерила, чужь иа чудила!» Небольшие мы аристократы крови, достаточно лишь иа носы иаши или иа профили посмотреть. Так вот этот сплав разложился теперь, и получился пандемоний этнографический. Как будто по русской равнине по-прежнему гуляют и финские и монгольские племена и чинят свой кровавый шабаш. Интересно было бы иа успехи большевизма при свете этнографии взглянуть...

Писатель. Слушаю я вас, слушаю, и не нахожу слов от негодования иа все это самооплевание. Если когда-либо нужно иа объявить войну малодушию, унынию, всяческому предательству и неверности, так это именно теперь, когда иа народ иа сам себе не верен и переживает опасный кризис. Только любовь дерзающая и верующая может быть и спасающей, а ее-то я и не вижу в ваших словах. Что же, иа самом деле, вы узнали теперь о русском иаде приципиально иаового, чего не знал в иаде, наприм., Достоевский, которого вы позволяете себе судить столь свысока? Не знал он, что ли, звериного образа, злодея и кощуиника в русском иаде? Знал отлично, но он ему не верил, потому что созерцал иаиую реальность.

Общественный деятель. Позвольте мне вас прямо спросить, мне самому это очень важно и мучительно: решитесь ли вы сейчас после всего пережитого за революцию повторить и клятвенно подтвердить, ну, хотя бы такие слова Достоевского: «пусть в нашем иаде зверство и грех, но в своем целом он никогда не принимает, не примет и не захочет принять своего греха за правду», ибо «идеал иаде — Христос»?

Писатель. Присягать я здесь, разумеется, не буду, но отвечу вам без всякого лукавства и уклончивости. Верую и исповедую, как и раньше, что идеал у иаде Христос, ииого у него нет. И когда

по грехам и слабости своей он об этом забывает, то сразу оказывается зверем, сидящим во тьме и сеи смертию. Но тогда он даже тоской своей неутолимой свидетельствует о том же, а мещанской этой благопристойности, умеренности и аккуратности все-таки не принимает. Совсем уж зачернили народ наш, спасибо, хоть иные поэты вступились за его душу, вот Блоку спасибо... Борьба в душе народа идет теперь страшная и для него, конечно, в высшей степени опасная. Может и погибнуть духовно, но пока этого не совершилось — а все же не совершилось! — я рыцарской клятвой остаюсь связан ему на верность. И помощи, Господи, моему маловерию, ведь и я же не чурбан какой-нибудь, переживаю происходящее-то, и мне трудно иногда приходится. Но верую, как и прежде, что через русский народ придет спасение миру, что ему предлежит не только великое будущее, но и решающее слово в судьбах мира. И я верую в русскую святую, богоносную землю, хотя и поруганную и оскверненную братской кровью, но хранимую святыми русские. Растерзано русское царство, но не разодран его нетканый хитон.

Общественный деятель. Легко это сказать, но ведь против этого вопиет вся действительность, свидетельствует тот мрак и ужас, в котором мы живем.

Писатель. Я и с этим не согласен. Чем ночь темней, тем звезды ярче. Вы не спорите ведь о том, сколько великодушия, самоотвержения, доблести явила Русь во время войны, но являет она их также и теперь, при этом царстве тьмы, когда вообще так непомерно трудна стала жизнь. Вообще весь этот пессимизм теперешний есть порождение растерянности и малодушия, есть измена. Когда мы изменяем народу хотя только в сердцах своих, мы причиняем ему совершенно реальный ущерб. Ведь помимо внешней есть и внутренняя связь вещей, это вам всякий мистик и оккультист подтвердит. Мы должны на себе теперь выдержать борьбу за душу народную прежде всего в сердцах своих, в тайниках своего духа не соблазниться о нем. Ведь если бы в эпоху Батые или в Смутное время тогдашняя соль земли русской обуяла, и отчаялись бы ее духовные вожди, — а ведь не меньшие были тогда для этого основания, — история заклемила бы их, как малодушных. Россия на ужасы татарского ига ответила соличным явлением преп. Сергия и всей этой сергиевской эпохой русской культуры, а в ответ на Смутное время явилась петровская Россия со всею нашей новою культурой. Сейчас кажется иным, что уж и связи нет между Пушкиным и каким-нибудь грязным большевиком, а вот сам наш мудрый и благостный Пушкин умел до дна постигнуть природу русской души, даже и большевизма, для него ничто не было скрыто в русской стихии; недаром же он свой орлиный взор на пугачевщину устремил, на «русский бунт, бессмысленный и беспоп-

шадный». И не только не соблазнился этим, но стал еще народней, чем был. Так неужели хотите вы оторвать розу от побега, плод от дерева? Не понимаете, что между большевиком и Пушкиным больше таинственной, иррациональной, органической связи, нежели между ним и чаадаевствующими и ныне от растерянности или немцем треклятым, грабящим по всем правилам военного искусства? Большевиком может оказаться и Дмитрий Карамазов, из которого, если покается, выйдет впоследствии старец Зосима. А из колбасника что выйдет?

Дипломат. Ну, здесь мы опять попали на привычного конька: умом России не понять и пр., обычное *asylum impotentiae*³⁵. Но вот одно мудрое изречение говорит, что победителей не судят, другое же прибавляет: горе побежденным. А печальная действительность свидетельствует, что в народе Пушкина всегда избивали переметы, вот и теперь — одни перекрашиваются в социализм от буржуазного испуга, конечно, а другие все стремительнее погружаются в немецкую ориентацию.

Светский богослов. Вот еще по поводу русского духа я хотел указать: не задумывались ли вы, какое ужасное значение должна иметь для него привычка к матерной ругани, которой искони смердела русская земля? Притом с какой артистической искренностью, — можно прямо целый сборник из народного творчества об этом составить. И бессильна против этого оказывалась и церковь и школа. С детьми и женщинами тяжело было по улице ходить в провинциальных городах наших. Кажется, сама мать-земля изнемогает от этого гнусного непрестанного поругания. Мне часто думается теперь, что если уж искать корень революции в прошлом, то вот они налицо: большевизм родился из матерной ругани, да он, в сущности, и есть поругание материнства всяческого: и в церковном, и в историческом отношении. Надо считаться с силою слова, мистическою и даже заклинательною. И жутко думать, какая темная туча нависла над Россией, вот она, смердяковщина-то народная.

Писатель. Конечно, вы совершенно правы. По-видимому, даже Достоевский недооценивал этого явления во всей его значительности и жуткости. Я в детстве рос на улице и знаю, какой этикет по этой части царил среди уличных мальчишек, какой виртуозности достигали, какого разнообразия комбинаций ругательных. Сами не понимали, что говорили, но хороший тон требовал припечатать каждую фразу. Теперь же, во время революций, порнографическое «имяславие» это дошло до предела, прямо хульное неистовство какое-то... И, однако, если только мы захотим осмыслить это поругание материнства, то здесь мы должны видеть как бы мистический негатив, которому соответствует и свой позитив: особое почитание матери-земли, а затем и Богоматери, присущее

русскому народу, элевзинское посвящение в таинство Деметры. Где умножается грех, там преизбыточествует и благодать.

Дипломат. Так что и склонность к смрадной ругани оказалась признаком высокого мистического чина... А я уж думал, что мы хоть в этом-то единогласно признаем чистую гнусность без всякого позитива.

Генерал. Да вот еще царев кабак, казенка проклятая. Какой ужасный человек нашей истории был этот Витте³⁶: ведь он нам капитализм насадил, пролетариат этот возрастил для опаивания революционной сивухой и по всей Руси казенок настроил. Это был настоящий заговор против народной души, который теперь только сполна раскрылся.

Дипломат. Все ищите козла отпущения, вместо того, чтобы прямо и честно признать, что предмет вашего поклонения не заслужил сейчас ничего лучшего, как немецкого фельдфебеля. Может быть, пройдя через эту суровую школу, он и научится достойному существованию, однако если не будет при этом растворен и поглощен. Впрочем, теперь физического истребления опасаться можно не от немцев, а от сограждан социалистического отечества, в немцах мы принуждены видеть спасителей, да ведь что же греха таить, таковыми они и являлись не раз, благодаря им, оставались неисполненными самые адские планы. Вот наша трагедия: от русской опасности приходится искать спасения у врага. Знаете ли вы подобные же положения в истории других народов?

Писатель. Вот этого-то спасения при ежовых рукавицах, конечно, я больше всего и боюсь от германского ига. Слишком мы студеисты, до слезничества. Притом не будем забывать, что роман между русской душой и германством сыздавна ведется. Разве, на самом деле, союзные нам теперь народы значили для нас хотя приблизительно то, что Германия, и притом не старая, которую я всегда любил и чтил сердцем, а новейшая? Ведь вспомните только, какой тучей валило на нас германство перед войной: и кантианство это разных сортов и штейеррианство³⁷, иакоиец и весь коран этот социал-демократический, да и мало ли еще что. Ведь и теперь многие же тоскуют и мечтают о немецкой книге или журнале. Тем-то и опасно для нас сближение с Германней, что она имеет такой широкий доступ к русской душе.

Дипломат. Ваше исповедание веры не должно бы оставлять места для этого страха. А русскому обществу делает скорее честь этот вкус к германской культуре, потому что какая же другая на самом деле может теперь с нею состязаться? Надо быть справедливым к врагу, хотя и победителю: настолько идет и моя германская ориентация. Да и вообще для нас нет грознее врага внутреннего, нашего собственного социалистического варварства.

Беженец. Да, это верно все, что здесь говорилось и о грехах

иарода и об его падении. Только не кажется ли вам все-таки, что все эти объяснения недостаточны, что это сгущение зла в России, весь этот шабаш бесовский имеет в себе и нечто сверхъестественное? Одним словом, если говорить до конца, то я просто хочу сказать, что давно уже подготовлялся, а теперь и развернулся во всю ширь какой-то мистический заговор против России, словно за русскую душу борются рати духовные, желая отнять у нее вверенный ей дар.

Дипломат. Могу только повторить: hypotheses non fingo, а тем более ничего не объясняющих. Да и вообще довольно с нас этого мистического заговаривания зубов.

Беженец. Но если я это чувствую с такой же ясностью, как вы ходы своей дипломатией? Вы посмотрите только, какие агенты ипущены были на Россию: германство с его удушливыми газами, революция с душой Азефа³⁸, Распутии,— все ведь это силы, и посвоему подлинные. И все они стремятся засыпать родники воды живой, совершить духовный подмен. Вообще происходит явная духовная провокация. А уж это ясно без слов, кому пролагается теперь дорога в мире, для чего устраняется в разных видах *о хатѣхъ*. Насчет же провокации я приведу вам один пример, маленький, но показательный: вы, может быть, читали поэму А. Блока «Двенадцать», вещь пронзительная, кажется, единственно значительная из всего, что появлялось в области поэзии за революцию. Так вот если оно о большевиках, то великолепно; а если о большевизме, то жутко до последней степени. Ведь там эти 12 большевиков, растерзанные и голые душевно, в крови, «без креста», в другие двенадцать превращаются. Знаете, кто их ведет?

Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз
Впереди — Исус Христос.

Генерал. Ну и хватил! Вообще отличаются теперь наши поэты и художники, совсем в придворных пиитов превратились, которые стараются получше угодить иновому хозяину. Никакого вопроса же я здесь не вижу: просто приврал для красивого словца: *viel lügen die Dichter*³⁹, ведь это про них Ницше припомнил старое слово Геснодовское. Страшное кощунство, свидетельствующее о босячестве духовиом!

Беженец. Не так это просто. Высокая художественность поэмы до известной степени ручается и за ее прозорливость. Может быть, и впрямь есть в большевизме такая глубина и тайна, которой мы до сих пор не умели понять? Но дальше спросил я себя: насколько же вообще простирается ясновидение вещего поэта? Есть ли он тайнозритель, который силою поэтического взлета

способен увидеть грядущего Господа? И довольно было лишь поставить этот вопрос, как пелена спала с глаз, и я сразу понял, что меня так волновало и тревожило в стихотворении, как нечто подлинное, но вместе и страшное. Поэт здесь не солгал, он *видел*, как видел и раньше — сначала Прекрасную Даму, потом оказавшуюся Снежной Маской, Незнакомкой, вообще совершенно двусмысленным и даже темным существом, около которого загорелся «неяркий пурпурово-серый круг». И теперь он кого-то видел, только, конечно, не Того, Кого он назвал, но обезьяну, самозванца, который во всем старается походить на оригинал и отличается какой-нибудь одной буквой в имени, как у гоголевской панночки есть внутри лишь одно темное пятно. И заметьте, что это явление «снежного Иисуса» не радует, а пугает. На этот счет еще Вл. Соловьев писал одной своей мистической корреспондентке⁴⁰, что если «известное явление не производит непосредственно никакого движения духовных чувств» и «впечатление остается, так сказать, головным, а не сердечным», то «это очень важный признак, давно замеченный церковными специалистами по этой части»⁴¹. Специалисты же прямо об этом говорят, что к известному явлению следует относиться, так сказать, с методологическим недоверием, потому что нередко после крестного знамения или молитвы в нем обнаруживается вдруг петушья нога. Поэтическая вещь сослужила здесь плохую службу, но само это приключение в высшей степени показательно для той духовной провокации, которою мы окружены.

Писатель. Зато уж революционные Чичковцы хлопочут, чтобы сбывать мертвые души, да под шумок и Елизавету Воробья за мужчину спустить. Довелось мне прочесть такое рассуждение, где 12 большевиков прямохоизко в 12 апостолов превращаются, оии-то-де настоящее христианство и покажут, а вот то было неудавшееся. Да, покажут, только снежное, с ледяным сердцем и холодной душой. Для меня вообще перетряхиванье этого старья на тему о сближении христианства и социализма давно уже потеряло всякий вкус.

ДИАЛОГ ЧЕТВЕРТЫЙ

Интеллигенция погубит Россию.

Из «Вех»

Генерал. А мне, признаться, дико даже слушать всякие эти рассуждения о духовном смысле социализма, потому что никакого духовного содержания я в нем не признаю. Во всей буржуазно-капиталистической цивилизации самая буржуазная вершина —

это социалистическое вероисповедание господ социал-буржуев, открыто провозглашающих единственным началом жизни — брюхо. Социализм есть глубочайшее духовное падение и убожество, это — яд буржуазного строя, вошедший вовнутрь, отравивший души. «Классовый интерес», жадность и злоба, как единственный рычаг человеческих отношений, — да это хуже каиннизма.

Общественный деятель. Но разве можно отрицать в настоящем европейском социализме великое искание правды, предчувствия новой жизни, священный гнев? Все это, кажется, так очевидно, что не нуждается в доказательствах. Ведь это у нас только все так извращено и опоганено.

Генерал. Да, показали себя теперь господа социалисты около казенного пирога, отлично знаем, что означает «классовая мораль». Единственное утешение во всей этой мерзости в том, что маски сорваны и ложь облечена. Нужно быть идиотом или мерзцом духовным, чтобы староверчески твердить зады и умиляться при мысли о том, как добрый русский народ вступит в приготовленный ему социалистический рай. Хорошо, что этот народ взял в свои руки социалистическую дубину да и хватил наших Маниловых по безмозглым башкам.

Писатель. Да, социализм решительно есть какая-то бредовая, навязчивая идея у русской интеллигенции. И посмотрите даже теперь: при всей растерянности, ошеломленности все эти фракции все-таки лепечут о социализме, ведут междуфракционную грызню и искренно думают, что вся беда лишь в том, что власть попала не к ним, а к другим: вот они бы устроили согласно программе своей партии, и социалистический рай незамедлительно бы наступил. Об этом их газеты пишут, их профессора и литераторы лекции читают. Право, такой глупостью и самодовольством веет от всей этой неподвижности бездарной. Они не замечают, что социализм их идейно разбил вдребезги и провалился окончательно, и эти споры их отстали от жизни гораздо более, нежели состязания о том, ходить ли посолонь или обсолонь, двонть или тронть аллилуию.

Светский богослов. Сравнения этого не принимаю, потому что вопросы старообрядчества, особенно же вам упомянутые, полны глубокого значения и смысла и теперь, а вот идейный интерес к социализму в настоящее время и на мой взгляд может питаться лишь тупоумием. Я только хочу в защиту русского народа от взводимых на него огульно обвинений сказать два слова. Ему, действительно, выпала на долю печальная роль обличения социализма, как ни мало походит всероссийское хамство на социализм. Но ведь не нужно забывать, что он подвергся и острому отравлению от этого европейского изобретения, от ядовитейшего из германских удушливых газов. Нашему девственному народу был в

лошадиной дозе впрыснут в кровь яд социализма. Неудивительно, что он впал от него в такое бешенство, что требуется смирительная рубашка...

Дипломат. Ваше объяснение благоприятно для русского народа, но не совсем справедливо. Почему же культурный социализм, в который до известной степени закономерно вырастает капиталистическое хозяйство, может отвечать за нашу татарщину? Ведь социализм в нашем российском, большевистском переводе означает: ребята, громи, грабь, режь. Европейский социализм ничего общего все-таки не имеет с этой белой горячкой.

Светский богослов. А я говорю, что наш народ болен и находится в состоянии острого отравления. Он, конечно, мало цивилизован и даже дик, но доселе вековая мудрость народная, учение церковное ему виедряли, что дикость есть грех, и когда он пугачествовал, то знал, что идет на черное дело. А здесь ведь ему внушили, что он делает самое настоящее дело, что он прав, грабя и душегубствуя. Ему дали новую заповедь: будь зверь, не имей ни совести, ни чести, только голосуй за такой-то «номер».

Генерал. Да, опоили народ наш сивухой, Витте — водочной, а баре — социалистической. Проклятая русская интеллигенция! Сначала одурила свою собственную голову, а потом отравила и развратила весь народ. И ведь, посмотрите, какое самодовольство, самовлюбленность, напыщенность какая, даже и теперь, когда уже совершенно провалилась с треском. Как же может устоять государство, если у него отравлена вся нервная система? Соль земли! гоимая, недейная, мученическая интеллигенция! Да это проказа, чума на теле России!

Дипломат. Сильно сказано, но не беспристрастно. Ведь несомненио, что в интеллигенции вы имеете главного и непримиримого врага для ваших политических утопий.

Светский богослов. Нет, и на самом деле для русской интеллигенции этот социалистический бред есть нечто роковое, быть может, в такой же мере, в какой для еврейства его мессиаинзм. И там были zelоты, мессиаинские социал-революционеры, устраивавшие большевистские эксперименты в Иерусалиме во время осады войсками Тита. И ведь нужно только подумать, что уже с самого начала это повелось у нас — с Белинского, Герцена, Чернышевского и до наших дней! И все, что не укладывалось в это социалистическое русло, отлучалось от церкви, отмечалось, причем среди этих отлученных оказались носители русского гения, творцы нашей культуры. Напротив, в интеллигентском лагере мало было дарованный выше среднего или талантов, а в общем царил серая посредственность. Что это: барская мечтательность и сентиментальность? Однако интеллигенция переполнена разночинцами, третьим-то элементом пресловутым, который как раз и составляет собой

ихнюю как бы гвардию. Нет, все дело здесь в религиозном самосознании интеллигенции, в ее безбожии и нигилизме.

Генерал. Да, проклятая интеллигенция теперь отравила весь народ своим нигилизмом и погубила Россию. Именно она погубила Россию, надо это, наконец, громко, во всеуслышание сказать. Ведь с тех пор, как стоит мир, не видал он еще такой картины: первобытный народ, дикий и страшный в своей ярости, отравленный интеллигентским нигилизмом: соединение самых темных сил варварства и цивилизации. Нигилистические дикари! Вот что сделала с народом наша интеллигенция. Она ему душу опустошила, веру заплевала, святая святых осквернила!

Дипломат. Слушая вас, можно подумать, что у нас нет собственного, народного нигилизма. Вспомните хоть того же Достоевского. И разве не народно это босячество духовное, которое Горький исповедует?

Генерал. У якутов, у чукчей, у ирокезов, у самоедов, у тунгусов, у кого хотите, есть своя религия, своя святыня, есть свой культ и быт, а стало быть, и культура духовная. А ведь здесь вместо Бога прямо брюхо поставили, те чурбану хотя кланяются, а эти — горячее химере. Для дикарей даже обидно это сравнение!

Дипломат. Хорош же народ, который допускает совершить над собой подобное растление. Да и что можно сказать о тысячелетней церковной культуре, которая без всякого почти сопротивления разлагается от демагогии? Ведь какой ужасный исторический счет предьявляется теперь тем, кто ведал церковное просвещение русского народа! Уж если искать вноватого, с которого можно, действительно можно, спрашивать, таковым будет в первую очередь русская церковь, а не интеллигенция.

Светский богослов. Однако же позвольте: что иное могло случиться, если образованный класс, вот эта самая интеллигенция, чуть не поголовно ушла из церкви и первым членом своего символа веры сделала безбожие, вторым — революцию, а третьим — социализм? Церковь незыблема, конечно, во всем, что касается стороны благодатно-божественной, но как сила культурно-историческая она нуждалась и нуждается в просвещенных деятелях, которых так много находит западное христианство. А где же они у нас? Нет, безбожие русской интеллигенции есть не только роковая для нее самая черта, но это есть проклятие и всей нашей жизни. Об этом давно у нас говорится, но теперь это для всех, имеющих очи, чтобы видеть, обнаружилось в ужасающей степени. И самое печальное, что в основе этого лежит не честно выстраданное неверие, но невероятное религиозное легкомыслие, своего рода суеверие. Посмотрите особенно на провинциальную интеллигенцию, так сказать, второго и третьего сорта: земского врача, фельдшера, учителя, акушерку. Хоть бы когда-нибудь они усомнились

в своем праве надменно презирать веру народную! На их глазах люди рождаются, умирают, страдают, — совершается дивное и величественное таинство жизни, ежедневно восходит и заходит солнце, но ничего не шевелится в их душах, в них неизбежно царит псалмовщина. Да этого еще мало! На русской интеллигенции лежит страшная и несмыслимая вина гонения на церковь, осуществляемого молчаливым презрением, пассивным бойкотом, всей этой атмосферой высокомерного равнодушия, которой она окружила церковь. Вы знаете, какого мужества требовало просто лишь не быть атеистом в этой среде, какие глумления и заушения, чаще всего даже непреднамеренные, здесь приходилось испытывать. Я очень хорошо знаю русскую интеллигенцию и вполне отвечаю за то, что говорю. Да, с разрушительной, тлетворной силой этого гонения не идет ни в какое сравнение поднятое большевиками. Это последнее гонение дает силу, призывает на мученичество, исповедничество, а вот исповедывать веру в атмосфере интеллигентского шипа, глупых смешков, снисходительного пренебрежения — нет, это хуже большевизма, который в своем нигилизме есть, конечно, законнейшее порождение этой же самой интеллигенции, как она от этого не отрекается. И вот теперь судьба свела церковь и интеллигенцию в состоянии общей гонимости со стороны большевиков. Дай Бог, чтобы эта встреча повела и к внутреннему сближению.

Писатель. Да, это безбожно интеллигентин делает ее некультурной и даже антикультурной, иконоборческой по преимуществу. Ведь приобщение к культуре идет чрез культ, связано органически со способностью почтения, которая отсутствует в психологии нигилизма. Оттого ей остается доступно только духовное идолопоклонство, каковым и является всяческое народобожие или народничество. Поэтому интеллигенция до сих пор просто не замечала православия как силы культурной и, в частности, как эстетического начала жизни. Разве только в самое последнее время намечается переворот: заметили, наконец, иконопись, церковную архитектуру, а во время разрухи начинают оценивать значение церкви и как начала государственного строительства и даже «национальной святыни». Я, конечно, вовсе исключаю здесь тех, кто ищет защиты у алтаря от обуявшего их политического и социального испуга. Но ведь даже и всего этого мало для религии. Никакой утилитаризм, хотя бы и самый возвышенный, здесь неуместен, никакие практические соображения недопустимы. Нужно каждому для себя и за свой личный счет *заболеть* религией, ощутить кризис духовного своего бытия и заново родиться. И тогда все прочее приложится само собой. Дух дышит, где хочет⁴², мы не можем отказываться от этой надежды. Но без этого из религиозного оппортунизма ничего не получится, кроме официаль-

ного политического лицемерия, которого довольно было и при старом режиме. Охранять религию для народа, самому ее не имея,— да это хуже, чем самая адская нигилистическая энергия.

Генерал. К сожалению, этой интеллигенции нигилистической ния — легнон. Ведь все эти на вид невиннейшие народные дома, библиотеки, курсы для рабочих, «разумные развлечения» — все это фактически суть средства религиозного развращения народа. Даже когда они прямо и не направляются против церковности, однако молчаливо ее подмывают одним уже пренебрежением к уставам церковным: назначить любое чтение в часы богослужения, концерт или там вечер какой-нибудь в канун большого праздника,— все это делается даже непреднамеренно, не замечая. Но попробовали бы в Англии такую вещь устроить. А ведь гомеопатические доли оказываются иногда и наиболее действительными. Почему-то теперь вдруг все ошестинилась, когда большевики назначили празднование 1 мая в Страстную среду, тогда как сами повсюду и систематически по существу делали то же самое.

Светский богослов. Да, теперь интеллигенция наша поставлена перед дилеммой: или духовно возродиться, предприняв радикальнейший ревизионизм относительно *всего* своего духовного багажа, всего своего гуманистического мировоззрения, или же просто сгнить заживо, исторически умереть. Идеалы революции провалились, кумиры гуманизма и социализма низвергнуты. Нечем жить. А ведь интеллигенция жила и живет верой, нельзя у нее отнять этой ее религиозности своеобразной. Вот и предстоит теперь той ее части, которая окажется жизнеспособной, принести творческое покаяние, духовно отвергнувшись всего прежнего. Зерно пшеничное, если не умрет, не даст плода. От того, как переживет свой теперешний кризис русская интеллигенция, от исхода борьбы, происходящей в ее сердце, зависит во многом и будущие судьбы России. И невольно хочется молитвенно послать ей благословение на трудном и страдальческом ее пути: да прозрят ее ослепленные очи! Лишь бы и здесь не победила лень душевная да легкомысленность, как это случилось после первой революции. От нее наша интеллигенция ничему не научилась, благодаря чему и повторила все свои ошибки, но в ужасающих размерах, во время второй революции.

Генерал. Не разделяю ваших надежд на перерождение интеллигенции. Посмотрите: они растерялись, но и до сих пор ничему не научились: твердят, как дятлы, свои «демократические» да социалистические благоглупости. Да и вообще пресловутая эта интеллигенция есть одно несчастье для России и совершенно ей не нужна. Нам нужны знающие профессионалы, образованные специалисты, а не эти непривзванные спасители мира, которые всюду поднимают шумиху, но часто бывают никуда не годны в работе.

Вот для них нет более презрительного названия, как «бюрократия», а есть ли у нас более дисциплинированная, ответственная, работоспособная группа образованных деятелей, нежели эта самая бюрократия? Сама-то интеллигенция показала себя у власти, к чему она пригодна, кроме говорильни. Согласитесь, что ведь большего делового провала, чем происшедший на этом парадном смотре революции, не могло и быть. Нет, интеллигенция это — болезнь России, ее несчастье! И сами же вы говорите, что они никакого подлинного отношения к русской, а стало быть, и к мировой культуре не имеют. Они заражают своей духовной проказой, изолировать их надо, как зачумленных. Погубили войну эти спасители мира, растлили армию пораженчеством своим да демократическими идеечками, довели Россию до предательства и измены, и весь мир теперь поставили под угрозу германского порабощения.

Писатель. Я решительно протестую против этого вешания всех собак на одну интеллигенцию. Все мы виноваты в происшедшем, и каждый должен найти и осознать и свою личную, и общественную вину. Я, по крайней мере, свою вину твердо сознаю, хотя, может быть, еще не до конца разумею. Да и вообще дело обстоит вовсе не так просто. Я, разумеется, не оспариваю, что интеллигенция в большевизме пожинает в значительной мере плоды своих же собственных дел. Большевизм есть, конечно, самое последнее слово нигилизма и народобожия. Интеллигенция теперь не узнала своего собственного божка во образе Калибана⁴³ и начинает впадать уже в отрицательное народничество, чаадаевствовать. Но вот что было и есть прекрасного в русской интеллигенции при всей ее духовной слепоте, так это ее жертвенность. И в этом неумирающая красота ее духовного образа.

Генерал. Да, мы насмотрелись теперь на эту жертвенность, будущий историк подведет точный ее баланс. Вообще если есть какое-либо бесспорное достижение у революции, так то, что совершенно провалилась гнилая эта интеллигенция вместе с бредовыми идеями и невыносимой пошлостью своей. Только сами они не видят в самодовольстве своем, что они уже — люди прошлого, и Россия обойдется и без них.

Писатель. Глубоко ошибаетесь: вопрос об интеллигенции и духовных ее судьбах принадлежит востину к числу проклятых вопросов русской жизни. Скажу больше того: то или иное его решение имеет роковое значение в истории России. От того, как самоопределится интеллигенция, зависит во многом, чем станет Россия. Да и разве можно ее отделять теперь от народа, как постороннее тело? Интеллигенция теперь есть уже не сословие, но состояние, модус народного бытия, духовный возраст народа. И Россия бесповоротно уже вступила в интеллигентскую эпоху своей истории, как это было с Грецией в век Платона, с Римом в эпоху

Августа, да в сущности имеет место и со всем теперешним европейским миром. Быт, органический и безличный, неудержимо разлагается, всюду торжествует личное начало. Совершилось как бы новое рождение человека или, если хотите, новое грехопадение со вкушением от древа познания добра и зла. Это бесповоротно, и никакая реакция или реставрация не восстановит старого бытового уклада. Будет лишь стилизация и подделка, какие бы силы ни были затрачены на эту стилизацию. Потому народ и оказался настолько доступен влияниям интеллигенции, что быт потерял свою упругость и сопротивляемость. Нет, от интеллигенции нам никуда не уйти.

Светский богослов. Да ведь и интеллигенция-то может быть разная, в этом же все дело. Интеллигентами были и Микеланджело и Леонардо. И у нас и Достоевский, и Вл. Соловьев и К. Леонтьев⁴⁴, и славянофилы, разве они не были интеллигентами? Борьба нужна не с интеллигенцией, а с интеллигентщиной во имя духовной культуры. И надо надеяться, что уроки истории, пережитые испытания многому научат интеллигенцию, углубят ее духовное сознание и, самое главное, подвинут ее к водерковлению. Пока же интеллигенция, действительно, переживает жесточайший кризис, но он есть вместе с тем и кризис России.

Беженец. В действительности этот кризис идет гораздо глубже. Его терпит вся европейская культура, и русская интеллигенция есть лишь здесь наиболее чуткий барометр. И он происходит не от войны, но от общих духовных причин. Можно сказать, что и сама война скорее явилась следствием, а вместе и симптомом этого кризиса. Его давно уже ощущали проницательнейшие умы и зрели духовидцы. О нем говорило искусство, которое всегда является мировым сейсмографом. Он показывает уже давно, что в глубине вулкана готовится извержение. Разве не веяло ужасом от этого разлагающегося мира, который просвечивал через кубизм и всяческий футуризм? Плоть мира, красота ее, истлевала, исходя в какие-то кошмары и химеры. В ряду этого мирового кубизма оказалась и русская интеллигенция, больше же всего большевики. И, право же, их вопли о мировой революции, о начинающемся пожаре вовсе не так нелепы, как кажется многим. Они, как одержимые, оказываются вещными и прорекают, как Валамова ослица, шарахающаяся перед мечом архангела.

Дипломат. Такие глубины для нашего брата позитивиста недоступны, но мировой кризис социализма и для меня налицо, углублять же его, действительно, выпало на долю тех, кто всю энергию прилагает к углублению революции. Первый удар международному социализму нанесла война, а второй — русские большевики.

Беженец. И все-таки Европе тоже не уйти от своего большевизма. Она еще содрогнется в конвульсиях мировой революции, и

по ней пронесется красный конь социального мятежа. И это, несмотря на то, что социализм уже мертв: начало, себя изживающее, все же должно опытно познать свое бессилие. И русская интеллигенция, как духовная виновница большевизма, есть, действительно, передовой отряд мирового мятежа, как об этом и мечталось революционным славянофилам от Бакунина до Ленина при всем их интернационализме программном.

Светский богослов. Я такого низкого мнения о духовной сущности социализма, что даже отрицаю за ним способность иметь кризисы. Социальные революции вообще буржуазны по природе, если только не считать некоторого количества фанатиков, ослепленных бредовой идеей. А так как мещанство вообще бездарно и бесплодно, то такова же и социальная революция. Здесь нелицеприятнее всего свидетельствует эстетическое чувство. Попробуйте подойти к интеллигентшине, к демократки и социализму с эстетическим мерлом, как сделал это Леонтьев, и увидите, что получится. Как бездарна и уродлива русская революция: ни песни, ни гимна, ни памятки, ни жеста даже красного. Все ворованное, банальное, вульгарное. Лоскут красного кумача да марсельеза, украденная как раз в то время, когда мы подло изменили французам. В один из первых еще дней революции мне пришлось созерцать на одной из московских улиц шествие. Я человек спокойный и в общем настроенный народолюбиво, но во мне тогда хлопотали презрение и брезгливость. Вот если бы Леонтьев увидел эту картину! Впрочем, он ее в сущности уже провидел. То, что настолько безобразно, скажу даже гнусно, не может быть и правдивым.

Писатель. Не к лицу нам этот эстетический плащ сверхчеловека, и не люблю я этой нелюбви леонтьевской, лишь прикрываемой эстетикой. Притом по существу всякая картина требует определенной перспективы. Весенний поток прекрасен и могуч, но, рассматриваемый вблизи, он состоит из пены и грязи. Надо иметь мудрое благостное сердце, чтобы созерцать красоту стихий народной. Гете знал эту тайну, а уж его ли надо учить эстетическому мерлу жизни. Вспомните Фауста среди народа на прогулке с Вагнером, этот великолепный монолог: «Von Eise befreit sind Strom und Bäche?»⁴⁵

Светский богослов. Да, только там была пасхальная веселящая толпа, а не отравленная демагогией чернь. Впрочем, я готов в этом сделать вам уступку: если в этом кричащем уродстве есть свой собственный ритм, так это именно тот, за которым давно уже гоются футуристы. Футуризм есть, действительно, художественное пророчество об охлократии⁴⁶, недаром он оказался теперь в естественном союзе с большевизмом. Вы помните это его стремление ввести в художественные ресурсы, наряду с краской,

и уголь, и щепку, и цветную тряпку, и бутылочный ярлык, наконец, все это пристрастно к угловатому, кривашему, безобразному, но вместе с тем окованному в какой-то тягостный смысл. Вот при виде этой рабочей демонстрации я и вспомнил эти футуристические потуги: передо мною, действительно, развернулась живая футуристическая картина. Это же, конечно, находит полную параллель и в литературных произведениях футуристов, введенных в стих всяких нечленораздельностей, кривков, мычания... Но, воля ваша, не умею я все-таки эстетически наслаждаться фабричной трубой и всей ее флорой и фауной.

Беженец. Своими словами вы сами свидетельствуете против себя же. Если социализм находится в некоторой интимной, подпочвенной связи с футуризмом, что, я думаю, верно, то в нем есть и своя глубина, он является симптомом мирового распада и кризиса. Старая красота умерла уже в мире, футуризм свидетельствует об ее разложении, о корчах и воллях, о стонах всей мятущейся твари... Болен мир, потому больно и искусство. А потому и улица так уродлива... Жизнь не рождает красоты. Это чувствовал остро, но не хотел все-таки принять во всей серьезности Леонтьев. Он все хотел как-нибудь «подморозить», вернуть к старому. Но ничего не надо подмораживать, ибо к великой Красоте и свету Преображения стремится стонающая тварь...

Генерал. Все это — самообман, заговаривание зубов, нежелание смотреть в лицо неприкрашенной действительности. С тех пор, как началась революция, мы живем в сплошной грязи, в свинарнике каком-то. От человеческой речи понемногу отучаемся. Вы посмотрите, во что наш язык превращается, с новой орфографией этой мерзкой, измышлением нигилизма — тоже кадетский подарок! — да с жаргоном этим товарщеским с разными словцами их футуристическими. Я чувствую, как и сам заражаюсь этим жаргоном. Просто отвратительна становится жизнь: низкая чернь и бездарная, пошлая интеллигенция. *Odi profanum vulgus et arceo*⁴⁷, — верю, и тогда в век Горация, это было точно так же. И ничего светлого в русской жизни покамест я не вижу.

ДИАЛОГ ПЯТЫЙ

Русская церковь в параличе.

Достоевский

От востока звезда сия воссияет.

Он же

Светский богослов. Вы забываете самое важное. Вы упускаете из виду ценнейшее завоевание русской жизни, которое одно само

по себе способно окупить, а в известном смысле даже и оправдать все наши испытания. Это — освобождение православной русской церкви от пленения государством, от казенщины этой убийственной. Русская церковь теперь свободна, хотя и гонима. А свободная церковь возродит и соберет и рассыпанную храмину русской государственности. Ключ к пониманию исторических событий надо искать в судьбах церкви, внутренних и внешних. Здесь лежит ее внутренняя закономерность.

Генерал. Кажется, что церковь и сама порядочно обольшевичилась за время революции? Ведь что же происходило на церковных съездах в разных местах России?

Светский богослов. Это было лишь поверхностное движение, захватившее наиболее неустойчивые элементы: некоторых обновленческих батюшек да церковных с.-д.: социал-диаконов и социал-дьячков, с некоторыми крикунами из мирян. Страшно было бы, если бы этого не проявилось. Но теперь это можно считать почти ликвидированным. Волна революции разбилась у церковного порога. Церковь смиренно, но твердо отразила революцию. Посмотрите, что делается на церковном соборе? Вот если где куется духовное оружие к возрождению России, то, конечно, именно там и только там.

Дипломат. А я снова повторяю, что уж если искать виноватых в той народной беде, которая связана с революцией, то наиболее тяжелая ответственность лежит на русской церкви. Я даже не говорю о раболепстве и молчаливчестве высшей иерархии, — это уж у всех на зубах настряло. Но церковь обнаружила здесь и культурную свою несостоятельность, прямо оказалась в историческом банкротстве. Как ни мало было оснований верить грезам о народе-богоносце, все же можно было ожидать, что церковь за тысячелетнее свое существование сумеет себя связать с народной душой и стать для него нужной и дорогой. А ведь оказалось то, что церковь была устранена без борьбы, словно она не дорога и не нужна была народу, и это произошло в деревне даже легче, чем в городе. Слой церковной культуры оказался настолько тонким, как это не воображалось даже и врагам церкви. Русский народ вдруг оказался нехристианским, недаром теперь хлопочет о его просвещении американская миссия, совсем как *in partibus infidelium*⁴⁸. А что же приходится сказать о влиянии церкви на общую методику жизни, на дисциплину труда? Что может здесь противопоставить православие всем западным исповеданиям и особенно протестантизму, явно побеждающему в этой войне? Страшный исторический счет предъявлен церкви революцией. Я не знаю, будет ли она в состоянии его оплатить.

Светский богослов. Вы судите о церкви, как и большинство русского общества, откуда-то извне, со стороны: вот существует

там у простого народа, которому и Вольтер разрешил Бога выдумать, его мужицкая церковь. Ей вы холодно и надменно ставите неудовлетворительную отметку на историческом экзамене, на котором сами-то проваливаетесь еще безнадежней. Это и есть наше главное несчастье: образованный класс по отношению к церкви занял положение безответственной оппозиции, он только требует и критикант вместо того, чтобы самому стать в рабочую запряжку и принять на себя свою долю ответственности. Попробуйте сделать это, и сразу весь ваш критический пыл погаснет, потому что воистину трудна работа Господня, и проклят всяк делающий ее с небрежением. Я вам отвечу, что если вы правы и если церковь, действительно, оказалась не на высоте исторических своих задач, то из этого можно сделать лишь один практический вывод: надо быть церковным более, чем когда-либо, и чувствовать свою личную ответственность за исторические судьбы церкви. Церковность обязывает.

Генерал. Да, церковность обязывает, — и прежде всего к правдивости и искренности. И поэтому все-таки приходится сказать, что у нас, в православии, не все благополучно. Есть какой-то внутренний, обеснивающий его недуг, и лучшее тому доказательство — революция. Разве же она не есть громовое свидетельство об упадке православия? Соль обуюла, и оттого стало разлагаться осоляемое ею тело. Разве неела право церковь без борьбы отказаться от священной власти? Она совершила предательство, от которого еще умыла руки, вот теперь и наказуется за это гонением.

Светский богослов. От идеи священной власти и христианской государственности церковь принципиально не отказывается и теперь, а от распутинствующего царя она должна была бы отказаться и раньше, как только выяснилось, что Россия управляется вдохновениями хлыста. В этом попустительстве был, действительно, великий грех и иерархии, и миряи, впрочем, понятный ввиду известного паралича церкви, ее подчинения государству в лице обер-прокурора. Слава Богу, теперь церковь свободна и управляется на основе присущих ей начал соборности.

Генерал. Но я никак не пойму, кто же может освободить церковь, кроме нее самой? Неужели временное правительство или эта, с позволения сказать, республика российская? Если был, действительно, внешний паралич церкви, то он был и внутри, и я уж не берусь судить, излечилась ли от него церковь. А что он был, это для меня ясно: в самую роковую минуту истории не умели уберечь царя от Распутина! Где же сила апостольской церкви, где власть решить и вязать? Я не мистик, но не могу отделаться от мысли, что злые силы потому и могли мобилизовать Распутина, что не оказано было противодействия. И там, где должно было раздаться слово

апостольское, дело решила шальная офицерская пуля. Но ведь пулей нельзя бороться с мистической силой. Вот и вышло, что распутинская кровь, пролившись на русскую землю, отродилась на ней многоглавым чудовищем большевизма, социальным хлыстовством с явным оттенком садизма. Я не знаю, можно ли справиться с *этим* параличом одним восстановленным соборного строя.

Светский богослов. На эти сомнения можно и должно отвечать не словом, а только делом, жертвою. Надо возрождать церковную жизнь, — это сейчас самая важная патриотическая, культурная, даже политическая задача в России. Только отсюда, из духовного центра, и может быть возрождена Россия, а потому и собор наш и признаю самым важным событием новейшей русской истории, а в частности и революционной эпохи, со всеми переменами декораций и партийными бурями в стакане воды. Я знаю вкус и цену всему: и политике, и экономике, и культуре, но теперь я решительный клерикал, и для блага церкви меня не тяготит даже такая работа, для которой бы я пальцем о палец не ударил ради империализма этого безбожного.

Общественный деятель. Признаться вам сказать, я все-таки не понимаю, какое же общерусское значение может иметь работа собора помимо чисто профессиональных интересов духовенства?

Светский богослов. Я отвечаю вам на это парадоксом: в России имеет культурную будущность только то, что церковно, конечно, в самом обширном смысле этого понятия. И с оцерковлением русской жизни только и могут быть связаны надежды на культурное возрождение России. Ведь вот теперь производится в грандиозных размерах эксперимент безбожной, «социалистической» культуры. И посмотрите, как бессильна и бесплодна оказывается она по всей линии, и прежде всего в самом жизненном для нее вопросе — дисциплины труда. Все развалилось, рабочая «годность» упала, и для восстановления ее не остается ничего, кроме социалистических скорпионов. Без воспитания церковного нам не восстановить ни народного хозяйства, ни государственности. Но мон-то пожелания идут дальше: мне мечтается духовное завоевание русской школы, ее внутренняя, так сказать, «клерикализация», чтобы была, наконец, засыпана эта пропасть между церковью и светским просвещением.

Писатель. Я понимаю вас. Согласен, что скромно и бесшумно, в атмосфере общественного равнодушия, на соборе творится дело величайшей важности. Помогите вам Бог в вашей работе. У меня шевелится только одно, неразрешенное для меня сомнение: до сих пор собор действует, на мой взгляд, как церковно-учредительное собрание, вырабатывающее своего рода конституцию. Это, конечно, и неизбежно при чистке вековых авгиевых конюшен, но

боюсь, не получился бы здесь своего рода церковный кадетизм, «конституционно-демократическое» православие. Я этого чистенького, правового православия, признаться сказать, побанваюсь, да и очень легко в нем может клерикализм угнездиться, самый опасный. Как бы нам уж чересчур не отполировать нашего православия, из корявого, черносотенного, но зато ядреного и бесконечно милого древнего благочестия.

Светский богослов. Такое опасение может возникнуть только со стороны, вне атмосферы соборной. В том-то и дело, что важнее и существеннее всех этих работ является дух церковности, жизненное наше воцерковление. Какое это счастье — ощущать всю реальность церковного общения, всю эту силу соборного единения всех элементов церковности: епископата, клира и мирян. У нас нет оснований бояться церковного юридизма. А затем разве же вы не замечаете начавшегося церковного подъема, который еще даст свои плоды общего оживления приходской жизни?.. К числу счастливейших дней моих принадлежит 28 января этого года, деиь всенародного крестного хода в Москве, когда снлю молитвенного восторга исторгалось пасхальное пение на зимней мостовой. И эта готовность тысячных толп пострадать за веру, пасть от пули... Кровью мучеников уже омываются исторические грехи церкви, убеляют ее ризы.

Писатель. Да, это вонстну так. Новая могучая сила входит в русскую жизнь, спасительная и целительная. Лишь бы она не пошла на убыль так же быстро, как и народилась. К сожалению, это ведь в русском характере.

Дипломат. Мне тоже кажется, что надо с большою осторожностью расценивать этот религиозный подъем. Ведь он вызван дикими мерами большевников, поставивших церковь в безвыходное положение. Необходимая самооборона неизбежно вызывает соответствующую реакцию, и недаром эти крестные ходы так соблазнительно напоминают демонстрации. Они имеют некоторый привкус растерянности и испуга, еле заметный среди общего воодушевления. На мой взгляд, для церкви одинаково опасны обе крайности: катастрофическое потрясение вследствие гонения и реставрация с восстановлением привилегии князей церкви. Ведь все они воспитаны старым режимом, который им снится, как потерянный рай.

Светский богослов. Теперь для церкви уже не страшна никакая реставрация. Она не покупится свободой, сладость которой она познала, и не откажется снова от канонического своего строя, который был поруган в синодальный период. Надеюсь, что и для владык наших нет уже возврата к прошлому, когда они были в плену собственного положения, запертые в своих архиерейских домах. Пронзошла их встреча с церковным народом, и он их уже от себя не отпустит, да и они не захотят с ним разлучаться. Однако не могу

отрицать, что для церковного роста необходим прилив сил, привычных к свободной творческой инициативе, и среди клира, и среди мирян. Вот почему такое значение имеет теперь приближение интеллигенции к церкви. В отрыве от церкви она погибнет, но и церкви не справиться со своими очередными задачами без прилива свежих сил. А при этом условии не страшна ей реакция. Церковь приобретет независимость и упругость вместе с навыками к борьбе и окажет противодействие новому насилию.

Генерал. Ждите смокв от репейника! Нет, интеллигенцию лучше совсем из счета выкинуть. Надо думать, как своими средствами без нее обойтись. Вообще трудно уже надеяться на всенародное движение к церкви. В лучшем случае она будет окружена кольцом иеверия и равнодушия, а в худшем — может продолжаться и прямое гонение, только в культурных формах, примерно, как во Фрайрих. Я человек военный и привык рассчитывать практически не на лучшее, а на худшее: — к катакомбам надо готовиться, вот что! И затем — я плохо, конечно, разбираюсь в этих вопросах, но меня дивит, что многие связывают какие-то особые надежды с реформой прихода, которая фактически сведется лишь к его «демократизации», т. е. к засилию улицы и к церковной демагогии.

Светский богослов. Но разве церковь в своей борьбе с насильниками может теперь опереться на что-нибудь помимо церковного народа? Вот и происходит повсеместная его мобилизация. Появление настоящей церковной демократии есть одно из знаменательнейших явлений русской жизни за революцию.

Беженец. А все-таки едва ли можно влить новое вино в старые мехи, и теперешний приход держится больше ради удобства, но не есть живая церковная единица. Ведь наиболее живые члены церкви обычно не удовлетворяются одним приходом, но ищут других форм религиозного объединения. Для меня является даже вопросом, есть ли вообще это новое вино в «широкой» церкви, в ее толще, и даже на соборе, который является своего рода смотром церковных сил. Может быть, мои впечатления от собора и недостаточны, однако они говорят мне, что здесь много благочестия, верности преданию, ну староверия, что ли, в самом лучшем, самом положительном смысле, но движения религиозного здесь нет, по видимому, даже мало вкуса к религиозным вопросам, догматического волнения. Разве это на самом деле собор? Церковно-учредительное собрание — да! Да и откуда же было явиться иному? Ведь и в правящих, и в ученых кругах, в сущности, царит одинаковое равнодушие к религиозным вопросам, прикрываемое то напыщенным важничаньем, то староверием. Сыты. Нет жажды, нет тревоги. Нужны ли примеры: как отнеслись к огнепалющему вопросу о почитании имени Божия? В сущности никак, с ледяным равнодушием, если не говорить о примешавшихся сюда личных самолюбив-

ях. Было ли замечено грандиозное явление мистической литературы — «рукописи» А. Н. Шмидт, в которых дан, может быть, ключ к новейшим событиям мировой истории? Какая беспомощность в вопросах оккультизма и вообще антропологии! Впрочем, это все частные примеры, о которых можно спорить и отводить их в качестве ересей, но все-таки остается тот факт, что и на соборе, как и вне его, царят догматическая вялость и спячка, а при таком условии мы даже права не имеем притязать на настоящий собор, кроме как на созванный сверху, по щучьему веленью, по обер-прокуророву хотенью. Вселенские соборы возникали тогда, когда церковная жизнь доходила до точки кипения, при которой единственным жизненным исходом могло быть только «изволися Духу Св. и нам»⁴⁹. А это не собор, а лишь всероссийский церковный съезд, облеченный чрезвычайными полномочиями. Только всего.

Светский богослов. Все это совершенно неверно. Легко критиковать, да еще с налету, по случайным впечатлениям, но нужно войти в самую гущу соборной работы, изо дня в день участвовать в соборной жизни, чтобы оценить всю беспримерность этой работы и по напряженности, и по плодотворности, и по быстроте. Я участвовал в разных собраниях, и ученых и политических, и утверждаю, что такой просвященностью, добросовестностью, вообще «годностью» не обладает у нас никакое собрание. Можно излечиться от всякого скептицизма относительно судеб России, бывая на заседаниях собора. А что касается мнимого равнодушия к вопросам догматическим, то ведь всякому овощу свое время. Надо нам сначала очередные задачи разрешить, вымести из храма веками накопившийся сор, тогда и придет уже время для догматических вопросов. Впрочем, в церковной жизни вообще нет недогматических вопросов, и всякий вопрос ее устройства связан с основами церковного вероучения. Конечно, на соборе нет той нервности и самосочинительства, авантюризма религиозного, которые столь обычны у представителей «нового сознания», у разных мистиков, оргиастов, антропософов, теософов и под. У них погоия за пикантностью нередко уничтожает чувство действительности. Еще не хватало бы на соборе излюбленные их вопросы «третьего завета» обсуждать, о поле, например. Нет, на соборе не должно быть места для хлыстовщины.

Беженец. Да, о разводе говорили много, но о таинстве брака по существу суждений что-то не было. Вероятно, все достаточно ясно из катехизиса.

Светский богослов. Да, все достаточно ясно, если не напускать хлыстовского тумана или разных «третьезаветных» ересей.

Беженец. И все-таки я остаюсь при убеждении, что теперешнее православие имеет характер староверия и глухо к вопросам, которые ставятся для него его же собственной жизнью. Я не

осуждаю староверие, напротив, я нахожу, что в известном аспекте церковь и должна быть именно староверческой, связанной священным преданием, в котором при этом все одинаково важно и существенно, в этом принципиально правы старообрядцы. Но для нее, как для церкви воинствующей и пребывающей в истории, одно лишь староверие явилось бы насильственной остановкой времени. В такое положение именно и попало наше старообрядчество: здесь церковная история заканчивается в 17 веке, а далее место ее заступает церковная археология. Положение трагическое, которого, может быть, не осознали еще во всей остроте старообрядцы.

Светский богослов. Я вообще не понимаю, о чем вы говорите. Никаких новых событий в церковной жизни не произошло, вся эта политическая шумиха и даже катастрофа не достигает глубины церковной жизни. И вообще православие останется до конца мира самим собой, как «единая, соборная, апостольская церковь».

Беженец. Единая соборная апостольская церковь, конечно, пребудет до скончания века. Но адекватно ли ей теперешнее грекороссийское православие, это вовсе не так бесспорно. Я же лично полагаю, что мы фактически уже перешли за грань исторического православия, и в истории церкви началась новая эпоха, ну, по меньшей мере, столь же отличная от предыдущей, как, напр., доконстантиновская эпоха отличается от ей предшествовавшей. Эта же константиновская для Византии закончилась уже в 1453 году, а для всей православной церкви 2 марта 1917 года. Падение самодержавия есть грань в истории церкви, и думается, что изгладить ее не может уже никакая реставрация по немецкому образцу.

Светский богослов. Вы повторяете распространенный предрассудок о том, что православие и самодержавие связаны между собою так, как это утверждают черносотенцы или же явные враги церкви, политиканствующие литераторы вроде Мережковского⁵⁰, который вел флирт с революцией, пока она не показала настоящих своих зубов. Никакой связи между православием и самодержавием, кроме как исторической, вообще нет, и это воочию подтвердилось теперь, когда православие получило, наконец, свободу и его никто уже не может попрекать союзом с самодержавием.

Беженец. А все-таки эта связь существовала, не внешняя только, но внутренняя, мистическая, да это и соответствует исконному самосознанию православия от св. Коистантина и до наших дней. Церковь сосредоточивала особую любовь на своем помазаннике, как возлюбленном, отрасли Давида, женихе церковном. Всмотритесь в литургику, которая калечится теперь механическими ампутациями помимо витийства придворного и раболепства, вы ощутите эту мистическую любовь. Церковь создала, что во «внешнем

епископе», «викарии Бога на земле» она имеет зодчего града Божия, блюстителя вертограда церковного. Иначе православие ведь и не мыслило свою историческую миссию созидания Божьего Царства на земле. Когда пала Византия, бармы Мономаховы перенесены были в полуночные страны, и наши благочестивые предки с полным основанием осознали Московию «Третьим Римом».

Светский богослов. Вы навязываете православию догмат о самодержавии и приписываете ему ересь цезарепапизма, или папоцезаризм наизусть, латинскую ложь. Хотя он и появлялся в истории как злоупотребление и попустительство, зато никогда не возводился в догмат, как в католичестве. Придворному этикету, проникнувшему, к сожалению, и в литургику, вы приписываете принципиальное значение, которого он не имеет.

Беженец. Если считать догматом только то, что получило формулировку на вселенских соборах, то, разумеется, не только нельзя говорить о вероучительной основе самодержавия, но и о многих церковных учениях, имеющих бесспорно догматическое значение, напр., о почитании Богоматери, о таинствах и многом другом. Что самодержавию придавалось не только религиозно-практическое, но и вероучительное значение в истории православия, едва ли можно оспаривать. Вне этого предположения становится сплошным недоразумением история Византии, в частности история вселенских соборов, на которых за царями признавались известные церковные права, да и вся история русского Самодержавия. Церковь славит св. Константина, как «первого царя в христианстве, от Бога скипетр восприявшего», мыслит его как теократический орган. Да чего далеко ходить: вы знаете, как ставился у нас этот вопрос еще недавно в чине анафематствования, совершаемом в неделю православия?

Светский богослов. Мало ли чем было засорено наше богослужение за императорский период. Одни эти бесконечные поминовения чего стоят. И как просияло оно теперь, когда этого нет: словно икона, которая промыта и освобождена от вековой копоти и грязи.

Беженец. Однако нельзя же все, что нам не нравится, считать злоупотреблением. Так вот в анафематизмах этих перечисляются главные догматические ереси, смущавшие и потрясавшие церковь, — ариева, македониева⁵¹ и под. А в ряду их стоит под номером 11-й следующее: «помышляющим, яко православные государи возводятся на престол не по особливому о них Божию благоволению и при помазании дарования св. Духа к прохождению сего великого звания в них не изливаются: и тако дерзающим против них на бунт и измену — анафема».

Светский богослов. Несомненно, анафематизм этот полити-

ческого происхождения, поэтому он с мудрой решительностью уже исключен новой церковной властью.

Беженец. Однако есть и теперь такие, которые полагают, что Россия навлекла на себя эту анафему, и видят в этом первопричину всех наших бед, потому что анафема не мимо молвится, не пустое это слово, бессильно падающее в воздухе.

Генерал. Вот это верно! Я не умел этого выразить, но чувствовал смутно все время, что над Россией тяготеет нечто роковое. И ярче всего это выразилось на судьбе армии и ее вождей. И ведь посмотрите, как ощущается мистическая сила присяги даже безбожным правительством, тоже измыслившим «социалистическую присягу» — совсем по Апокалипсису, «печать зверя».

Дипломат. Ребяческому пристрастию к помпе и буффонаде вы готовы придавать серьезное значение. И насчет мистического значения присяги вы тоже фантазируете. Винить же генералов, которые столько пострадали от всяких «сфер», можно только под влиянием мистического предрассудка. Они должны были принести в жертву даже свой монархизм из любви к Родине.

Генерал. И за эту жертву понесли немедленную же кару вместе с армией. Умейте же внимать голосу истории.

Светский богослов. И все-таки в союзе православия и самодержавия ничего мистического я не вижу. Православие процветало не только в Москве, но и в северно-русских республиках, где осуществился величайший подъем национального творчества: иконописи, храмостроительства. Оно жило под Батыем, живет под султаном, как и теперь под большевиками. И связывать его судьбы с самодержавием можно, только закрывая глаза на его историю.

Беженец. Вы указываете на провинциальные центры православия, которые существуют при главном, но не через них проходит его магистраль. Православие со времен Константина имело всемирно-историческое задание — устоявить православную теократию единую, как едина и церковь. Вот куда метила идея второго и третьего Рима. К тому же стала стремиться и папская власть своей волей к миродержавству. На этой почве произошел и великий раскол церковный. На путях теократии встретились соперниками первосвященник-царь и царь-первосвященник. Здесь вовсе не о честолюбиях пап и не о замашках цезарепапизма идет речь, но о плане строительства Града Божия. Неумолимая история одинаково поставила крест и на западных и на восточных замыслах, крушение западной иерократии произошло уже давно, восточной же совершилось только теперь. Великий спор востока и запада ныне исчерпан и упразднен. В 1917 году окончилась константиновская эпоха в истории церкви и началась следующая, имеющая аналогию в эпохе гонений и катакомбном периоде существования церкви.

Дипломат. Можно, пожалуй, опасаться, что еще не совсем

окоичилась, если только нам придется испытать прелести реставрации, конечно, *germanis auxiliis*⁵². Впрочем, новейшая наша «теократия» петербургского периода и без того была полунемецкой и, значит, наполовину замешана была на дрожжах протестантизма.

Беженец. Я не отрицаю возможности того, что у нас может восстать буржуазно-конституционная монархия прусского образца, со всем декорумом «правового государства». Но это будет лишь последняя ступень упадка великой «священной империи», «православного царства». Оно рушилось и возродиться могло бы только из недр церковного сознания. И историческая межа проведена здесь все-таки Распутиным с его миссией лжепророка. Мистический смысл и значительность явления Распутина вами недооценивается.

Светский богослов. А вами измышляется в угоду болезненной мистической фантазии, видящей апокалипсис там, где уместна лишь половая психопатология. И какой-нибудь разницы между старой монархией и реставрацией, если только она возможна, я в религиозном отношении не вижу. Это есть вопрос политической целесообразности, которого я здесь не обсуждаю, но церковь должна навсегда сохранить свободу и независимость от государства при всяком политическом строе. Государство должно, конечно, даже по соображениям политической мудрости оказывать содействие церкви при достижении ее целей, но церковь не должна идти далее простой корректности к государству, не допуская снова романтики раболепства и отнюдь не заводя себе нового «жениха», как вы изволили выразиться.

Беженец. Да, только это будет уже не то православие, как оно было до сих пор.

Писатель. Но куда же девается у вас православие? Вы понимаете его как-то по-своему, необычно.

Беженец. Я, действительно, думаю, что православие в точном церковно-историческом смысле не имеет ни будущего, ни настоящего, а только прошлое. Мы находимся уже за его гранью. С падением православного царства оно получило неисцельную рану, надо это прямо признать. Теократия по образу священной империи не удалась, точнее, ее значение оказалось только предварительным, преобразовательным, а не свершительным. И знаете ли? Это означает, что и старая греко-римская распря потеряла уже свою остроту. Ибо не из-за догматов она первоначально возникла, а из различного понимания путей теократии. И обе церкви прошли этот свой путь до конца и уперлись в тупик, потерпели неудачу, если только, впрочем, можно считать неудачей всякое закономерное развитие, изживающее себя до конца. В этом смысле, пожалуй, можно объявить неудачей и весь исторический процесс, что, ко-

ичио, будет неправильно. Вот почему теперь с какой-то новой свежестью и пленительностью встает перед нами старый вопрос о соединении церквей, к которому зовет и иудит нас грозный исторический час, надвигающийся для всего христианства.

Светский богослов. Да, для отцов иезуитов теперь самое время для ловли рыбы в мутной воде. Недаром уния⁵³ так распространяется на Украине, согласно давно уже задуманному Шептицким⁵⁴, совместно с австро-германским геиеральным штабом, плану. Теперь больше, чем когда-либо, необходима война с католицизмом, и, как ни мало могу я сочувствовать анафемствованию католичества, говорят, провозглашенному на киевском соборе митр. Антонием, однако должен признать, что против Шептицкого иужен и Храповицкий⁵⁵.

Беженец. Не являются ли скорее они оба, и Шептицкий и Храповицкий, представителями прошлого, отживающей уже эпохи? Надвигается общий враг на все христианство, пред лицом которого православии и католицизму уже нечего становится делать. Догматические различия никогда здесь не имели решающего значения, они могут и должны быть сглажены при искреннем и любовном желаннии поиять друг друга. В сущности и католициство становится уже не то, как и православие. Нечто происходит здесь, видимое пока немногим, единицам, родится иовое ощущение вселенской церкви. Если это чувство расширится и углубится, то потеряют сами собою силу все бесконечные пререкаания, целые библиотеки, по этому поводу написанные. Все обессилеет перед стихийным влечением к единению во Христе.

Светский богослов. Созиаюсь, что совершенно вас здесь не понимаю. Ведь это тот же иинтернационализм, только иначе перелицованный. Раньше всех у нас его стали проповедовать русские иезуиты и вообще католизирующие, как, наптим., Чаадаев; им довольно иеожиданно, хотя и по-своему, протягивает руку в своей пушкинской речи Достоевский, который вообще-то знал иастоящую цену католициству; потом за это принялись либералы, марксисты, вплоть до нынешних товарищей. Теперь вы снова проповедуете интерконфессиональное братание в то время, когда надо охранять фронт от коварного врага.

Беженец. В том-то и дело, что фронт должен быть обращен вовсе не туда. Настоящий враг наступает на эти оба раздробленные и тем обессиленные фронта.

Светский богослов. Чего же вы хотите: вероисповедного безразличия или унии, модного теперь «католичества восточного обряда»?

Беженец. Ни того, ни другого. Нахожу, что теперь необходимо быть церковным более, чем когда-либо, потому что ничто так не наказуется, как церковная беспочвенность. И практически я, если

угодно, — клерикал, дорожащий каждой йотой в православии. Ведь только от полноты жизни церковной можно чаять духа пророчественного, полноты свершений, а не из сект или салонов. Надо быть абсолютно церковным и в смысле внешней дисциплины, потому нельзя позволять себе таких экспериментов, самочинного соединения церквей, как Вл. Соловьев с его тайным присоединением к католичеству и в то же время пребыванием в православии⁵⁶, и в смысле внутренней верности, любви ревнующей, напряженной, требовательной, взыскающей. Этого-то как раз и не хватало славянофильству: они были верны православию рыцарски и благородно, но при этом оставались чересчур спокойны и сыты. А сытость не есть полнота и блаженство.

Светский богослов. Та религиозная неврастения, которая составляет отличительную черту современного хлыстовства, была действительно чужда этим мужественным борцам за православие, каким был Хомяков⁵⁷ вместе с другими славянофилами. Мне кажется, что именно дух Хомякова витает на церковном соборе, утверждая его в уравновешенности, устойчивости и спокойной, радостной ясности.

Беженец. Вы даже более правы в этом, чем и сами думаете. Но именно это-то и подтверждает мою мысль о том, что собор в чем-то самом основном не стоит на высоте современности, остается позади ее. Знамя Хомякова, как и всех славянофилов, принадлежит уже миновавшей исторической эпохе. Твердая почва, родовой уклад, крепкий быт — все это стало зыбко, как при землетрясении, все расплавилось и переплавляется в огне.

Светский богослов. Вы говорите о славянофильстве, как о каком-то духовном трупце, который еще не успел разложиться. Да и вообще такое отношение к исторической церкви мне представляется просто кощунственным, и я предпочел бы прямую вражду подобной снисходительности. Вообще лучше иметь дело с открытыми врагами, нежели со своевольниками, обманчиво прикрывающимися церковностью.

Беженец. Что вам на это ответить? Исповедовать преданность церкви безграничную? Считаю это неуместным. Однако именно в том, что православие переживает известный кризис, я и усматриваю свидетельство его жизненности. Верую и с Божией помощью буду веровать до смертного часа, что в восточном православии в чистоте и неповрежденности блюдетя истина церковная, и что русская церковь просияет неотразимой красотой и непобедимой силой. От нее изыдет свет во спасение всему миру. Сознаю также историческим разумом своим, что православная церковь в России есть первый, а теперь даже единственный, оплот русского национального и культурного сознания, и на служение ей прямо или косвенно должны быть отданы все лучшие силы страны, так или

иначе должны на нее «ориентироваться». Этому научают нас тяжелые испытания, которые нудят сплотиться около церкви, подобно тому, как раздробленная Польша соединилась около костела. И русской церкви предстоят великие задачи и в области культурного творчества, она должна снова облагодатствовать русский гений. Однако мне, что для этого ей иадлежит победить и свою собственную замкнутость и живо ощутить разделение церквей⁵⁸, как рану на живом теле церкви. Нечто драгоценное утеряно иачиная с рокового X века и востоком и западом, что может и должно быть восстановлено.

Светский богослов. Что же вы оставляете на долю искалеченной, по вашему мнению, разделением восточной церкви? Только задачу самоупраждения через соединения, растворения в стихии романтизма, который вредней и опасней даже и германизма?

Беженец. Русская церковь, как никакая другая из поместных церквей, исполнена смутных чаяний и жажды алокалипсических свершений. Россия греховная, обезбоженная, растленная найдет в себе силы для вопля благоразумного разбойника в последний час истории, нбо она все-таки остается страной святых чудес. Здесь сверкнет белый луч мирового Преображения.

Дипломат. Quod erat demonstrandum: inimicitiae temporales, amiciciae sempiternae⁵⁹, трогательное единение всех славянофильских сердец. Боже мой, неужели даже все происходящее теперь с Россней неспособно освободить русские головы от славянофильского тумана? Иногда мне прямо кажется, что эта мечтательность вреднее, ядовитее даже социалистического бреда. Она поражает нашу волю, погружает нас в созерцательный квиетизм. Верно, только немецкие шпицрутены будут выколачивать из нас эту восточную химеричность и вселять трезвость. Вот в чем настоящая причина русского кризиса.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Жена, облеченная в солнце».

Апокалипсис

Беженец. Отчего вы видите только падение побежденной России, но при этом как будто забываете, что происходит со всем миром? Разве мы не являемся свидетелями всеобщей катастрофы, крушения всей «новой истории»?

Дипломат. Следует избегать этих трагических преувеличений. Европа не раз переживала кризисы и из них выходила возрожденной. Восстановится нормальная жизнь в Европе и теперь, да и

в России восстановится, надо нам только пугачевщину, да вот маниловщину эту избыть.

Беженец. А я думаю, что старый быт вообще не восстановится, да и было бы слишком большой бессмыслицей, неудачей истории, если бы просто все восстановилось. Хвататься во что бы то ни стало за обломки старого есть то же, что держаться за доски разбившегося корабля. Конечно, в России может и восстановиться сравнительно спокойный образ жизни, но это будет лишь «передышка», которой и надо воспользоваться должным образом. Весь мир превращается в огнеиную массу, и некуда укрыться от напора бешеных волн.

Дипломат. Но такое же мироощущение родит ведь всякая большая война. Припомните 1812 год, и тогда уже конца мира ожидали любители эсхатологии, апокалиптики тогдашние. В результате же получился... священный союз да мировой расцвет капитализма. Нечто подобное имеет получиться и теперь, и довольно ясно, из каких элементов этот мир возникнет.

Беженец. Всякая великая война и действительно является прообразом и как бы исторической репетицией мирового потопа. Однако разве же история знает события, по широте и значению подобные теперешним?

Дипломат. И все-таки они еще не мировые. Желтый мир настоящему в борьбу не втянулся, и едва ли это будет в ближайшем будущем. Индия в стороне. Для Европы все еще «образуется», — вот образуется ли для России?

Беженец. Мне вспоминается почему-то, как в самом начале войны мне пришлось выселяться вместе с другими из Польши. Перед нами катились волны великого переселения народов. И мне думалось невольно, что вот близится время, когда все почувствуют себя в большей или меньшей степени «беженцами», выброшенными из насиженных гнезд, бездомными и — свободными. Весь мир переходит в беженство, — как тут не вспомнить исконные предчувствия наших бегунов? Вот и в проклинаемой вами интеллигенции нашей, действительно, безытной и безблагодатной, есть это ощущение беженства, взыскующего нездешиего града. Лишь бы она прозрела и поняла, чего она на самом деле жаждет.

Генерал. Нет, извините, слишком много чести для нее: интеллигенты наши отщепенцы, эмигранты, а не бегуны. У них совсем нет чувства родины, чувства земли.

Беженец. Это даже и верно отчасти, что вы говорите, только существенно в последнем счете. Все-таки интеллигенция жаждет того, что может дать лишь Преображение, хотя по слепоте своей и ждет этого от революции. Но в этой жажде она народна. Она, конечно, не вышла еще из детских пеленок, не пережила ребяческого буйства, и сама себя не знает. Но без нее Россия, скажу даже

больше: русская церковь — не выявит того, что выявить она призвана.

Светский богослов. Да, но пока интеллигенция есть самый консервативный, староверческий класс, упорно держащийся за старые, отжившие уже социалистические догматы. Согласно вашему же выражению, она должна уйти в бега от самой себя, вовремя достойно умереть, чтобы, возродившись, принести плод мног.

Писатель. Мне нравится ваша мысль о том, что наступает эпоха всеобщего беженства. В воздухе пахнет озоном от электрических разрядов. Жутко и, пожалуй, страшно, но вместе с тем и весело, словно пьянеешь, отдаваясь сладостному головокружению. Это мне немного напоминает ощущения при плавании в лодке на море в хороший ветер. Шум воли, пена и брызги, запах соленой воды, сверкание моря, быстрый бег... дух захватывает. Знаешь, что каждую минуту может опрокинуться твоя скорлупа, и однако хочется петь, кричать, школьничать. Ну, одним словом, лучше Пушкина об этом не скажешь:

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья.

Трудно быть современником великих событий, быть гостем на пиру богов, но нам, удостоенным этого избрания, должны завидовать поколения, жившие в более спокойную эпоху.

Общественный деятель. Да, но в какой же одежде мы оказались на этом пиру? Россия! О, моя Россия! Что с тобою сделалось? Что мне этот пир богов, если она из него извергнута, как неимущая одеяния брачного? Что мне до всемирно-исторических перспектив, если в них видится мне разлагающийся труп моей России? Не хочу я мира без России, преобразования мирового без нее не приемлю. Ведь Достоевский нам говорил, что она — «жена, облеченная в солнце», ведь только у нас бывает торжественная ночь Воскресения Христова. Нет, все погибло, если погибла Россия, вся история не удалась, высыпалась в зияющую дыру.

Писатель. Зачем вы ищете живого между мертвыми? Зачем маловерствуете? Жива наша Россия, и ходит по ней, как и древле, русский Христос в рабьем поруганном виде, не имея зрака и доброты. Не тот, которого Блок показал, не «снежный и надвьюжный», но светлый вертоградарь в заветном питомнике Своем зовет Он тихим голосом: *Мария!* и вот-вот услышит заветный зов русская душа и с воплем безумной радости падет к ногам своего Раввун... Кроме этой веры, кроме этой надежды ничего у нас более нет. Но русская земля это знает, и она спасет русский народ, по ней стопочки Богородицыны ступали...

Беженец. Перед самым октябрьским переворотом мне при-

шло слышать признание одного близкого мне человека. Он рассказывал с величайшим волнением и умилением, как у него во время горячей молитвы перед явленным образом Богородицы на сердце вдруг совершенно явственно прозвучало: *Россия спасена*. Как, что, почему? Он не знает, но изменить этой минуте, усомниться в ней значило бы для него позабыть самое заветное и достоверное. Вот и выходит, если только не сочинил мой приятель, что бояться за Россию в последнем и единственно важном, окончательном смысле нам не следует, ибо Россия спасена — Богородичною силою. И об этом, поверьте, твердо знает вся православная Россия.

Все (кроме дипломата). Аминь.

Дипломат. ???!

Общественный деятель. Христос воскрес!

Все (кроме дипломата). Воистину воскрес Христос!

Апрель-май 1918 г.
Москва.